
ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Таганрогский завод самоходных комбайнов. Готовые машины перед отправкой на колхозные поля.

Фото О. Кнорринга.

На первой странице обложки: — Клюнуло!.. **Фотоэтюд Н. Козловского.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

1 ИЮЛЯ 1956 № 27 (1516)

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ АВИАЦИИ

24 июня, ровно в 10 часов утра, заговорили все радиостанции Советского Союза: начался авиационный праздник в Тушине.

Нетерпение зрителей, жаждавших увидеть новую авиационную технику, возбужденные разговоры о сверхзвуковых машинах напомнили такую же атмосферу перед авиационным праздником в 1946 году. Десять лет назад был такой же большой день в Тушине, так же выступали пилоты-спортсмены и парашютисты, но все, затаив дыхание, ждали необычайного: программа извещала, что в небо Москвы взовьются первые советские реактивные самолеты «ЯК-15» и «МИГ-9». «Летит!» — прокатилось по аэродрому, и тысячи глаз впились в невиданную красную машину. У нее не было поршневого мотора, не вращался пропеллер. Словно красный снаряд, «ЯК-15» врезался в небо, и перед изумленной толпой блеснула «реактивная молния». Все, кто был в тот день на Тушинском аэродроме, ощутили историческую важность свершившегося, поняли, что открылась эра реактивных самолетов.

И вот минуло десять лет. То же зеленое летное поле Тушина, и так же шумно и весело в толпах зрителей. Но в небе — разительные перемены.

Нет больше самолетов, десять лет назад будораживших воображение: они уже сданы в музей. А на смену им вышли иные крылатые машины, да такие, что вновь, как и десять лет назад, с волнением и замиранием сердца следишь за их полетом.

— Летят! — раздался слитный ликующий возглас.

Если вы не были в Тушине, обязательно посмотрите на экране кино новинки советской реактивной авиации, на серебристые узкие и длинные стреловидные ракеты, которые, собственно, не имеют даже обычных крыльев. Глаз бессилен уловить все стадии движения белых стрел: они врывались в воздушное пространство Тушина совершенно беззвучно и, сверкнув, исчезали, оставляя за собою гром.

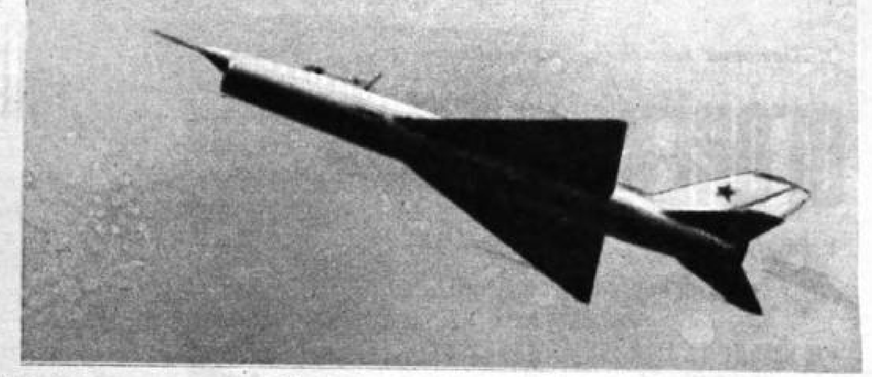
Над головами пролетали сверхзвуковые реактивные истребители, могучие реактивные бомбардировщики. Вернее, они не пролетали, а мелькали перед глазами. Нужно было без конца вертеть головой, чтобы уловить очертания стремительных, безудержно мчавшихся самолетов, за которыми едва поспевали рев, гул и свист. Кстати, о «взрывах» сверхзвуковых самолетов. Во время репетиции воздушного парада москвичи не раз слышали огромной силы гремучие взрывы. Создавалось впечатление, будто где-то рядом бьют батареи. Но пушки

→

Зрители наблюдают за полетом реактивных самолетов.

На высоте около ста метров проходит группа спортивных самолетов.

Проносится самолет необычного вида, похожий на сверкающий треугольник. Это один из опытных реактивных самолетов.

ДЕНЬ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА СССР. Тушино, 24 июня 1956 года. На снимке (слева направо): **товарищи С. М. Буденный, С. И. Руденко, Р. Я. Малиновский, К. С. Москаленко, С. С. Бирюзов, И. С. Конев, П. Ф. Жигарев, К. Е. Ворошилов, В. Д. Соколовский, Г. М. Маленков, Н. А. Булганин, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, Г. К. Жуков, Л. М. Каганович, М. Г. Первухин, А. И. Микоян, Н. И. Беляев, М. З. Сабуров, Л. И. Брежнев, Е. А. Фурцева, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов.**

не стреляли. Все объяснялось иначе: когда летит сверхзвуковой самолет, он своим крылом и корпусом давит на воздух, как бы прессуя его. Повышенное давление, распространяющееся со сверхзвуковой скоростью, образует сзади машины ударную волну, которая и производит своеобразный «залп». Сила таких «выстрелов» зависит от веса самолета и высоты его полета. Если сверхзвуковой самолет мчится на малой высоте, «взрывы» могут повредить окна. Но во время парада в Тушине мы почти не слыхали ни «залпов», ни «взрывов»: дело в том, что сверхзвуковую скорость самолеты развивали лишь на большой высоте, за облаками, которые ослабляли, гасили страшный грохот.

Чтобы дать возможность зрителям хоть на секунды увидеть самолет, летчики пролетали низко над аэродромом на сбавленной скорости. Экипаж пассажирского реактивного самолета «ТУ-104» специально замедлил полет огромной машины, и это помогло рассмотреть ее совершенные аэродинамические формы.

Миновало всего лишь десять лет, а какие огромные успехи одержаны за это время советскими конструкторами, всей нашей авиационной промышленностью, нашими авиаторами! Преодолен «звуковой барьер», близок день, когда советские летчики победят и «тепловой барьер».

Всматриваясь в фантастические очертания ракет-самолетов, я невольно вспомнил тихий зеленый загородный сад в Калуге и стоящий в нем обелиск, на котором высечены вещие слова гениального мечтателя К. Э. Циолковского: «Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. Гостева, Я. Рюмкина, Е. Умнова.

←

Вертолеты высадили моторизованную десантную воинскую часть.

Групповой пилотаж реактивных истребителей в строю «ромб». Дым, тянущийся за самолетами, отмечает трассу полета.

На празднование Дня Воздушного Флота СССР прибыло много иностранных военно-авиационных делегаций. На параде присутствовал также наследный принц, заместитель Премьер-Министра и Министр иностранных дел Йемена эмир Сейф уль-Ислам Мохамед эль-Бадр. На снимке: иностранные гости на параде.

Прием у Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в честь Дня Воздушного Флота СССР. На снимке: Г. К. Жуков, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев и начальник штаба ВВС США генерал Туайнинг.

Н. А. Булганин и Министр авиации Великобритании Н. Берч совершают прогулку на лодке.

Фото Н. Кулешова и В. Мастюкова (ТАСС).

ИМ ПОНРАВИЛСЯ ВОЗДУШНЫЙ ПАРАД

Наш корреспондент обратился с несколькими вопросами к главам английской и американской военно-авиационных делегаций, присутствовавших на праздновании Дня Воздушного Флота в Москве.

* * *

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»: Каковы ваши впечатления, господин министр, о воздушном параде на Тушинском аэродроме?

Н. БЕРЧ, МИНИСТР АВИАЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: Я присутствовал в моей стране на нескольких подобных зрелищах. Я должен сказать, что ваш парад был организован великолепно.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»: Что вы скажете о машинах, участвовавших в параде?

Н. БЕРЧ: Там было несколько совершенно замечательных машин. Особенно хороши вертолеты.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»: Хотелось бы знать ваше мнение о советских летчиках.

Н. БЕРЧ: Несмотря на плохую погоду, летчики реактивных самолетов показали высокое мастерство.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»: Что вы можете сказать о советской авиации в целом?

Н. БЕРЧ: Я думаю, это очень хорошая авиация.

* * *

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»: Генерал Туайнинг, в чем вы видите пользу от вашей поездки в Советский Союз?

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВВС США ГЕНЕРАЛ ТУАЙНИНГ: Самое полезное в таких визитах то, что люди встречаются друг с другом, говорят и обсуждают многие важные вопросы, касающиеся воздушных сил.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»: Какое мнение о советской авиации вы вынесли после парада в Тушино?

ГЕНЕРАЛ ТУАЙНИНГ: Советский Союз имеет прекрасные военно-воздушные силы.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»: Что вам понравилось больше всего на параде?

ГЕНЕРАЛ ТУАЙНИНГ: На меня произвело наибольшее впечатление хорошо сбалансированное развитие советской авиации.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»: Можете ли вы поделиться своими впечатлениями о Москве?

ГЕНЕРАЛ ТУАЙНИНГ: Я впервые в Советском Союзе. Москва — это очень красивый город. К сожалению, я не располагаю временем для подробного знакомства с ним. Я с удовольствием еще раз побывал бы в Москве и провел бы здесь побольше времени.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»: Что бы вы хотели передать читателям «Огонька»?

ГЕНЕРАЛ ТУАЙНИНГ: Передайте им мои лучшие пожелания.

В СССР ПРИБЫЛ ШАХИНШАХ ИРАНА

25 июня в Москву по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и лично Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова прибыли Его Величество шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и Ее Величество шахиня Сорейя Пехлеви.

На снимках: На Центральном аэродроме гостей приветствует К. Е. Ворошилов. Шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви на приеме у Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина.

Гости из Ирана посетили Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Фото А. Новикова.

Мы останемся друзьями

Утром 20 июня улицы небольшого немецкого города Бранденбурга были полны народа. Десятки тысяч трудящихся со знаменами и транспарантами шли к аэродрому, чтобы проводить советских летчиков 200-й штурмовой авиационной дивизии. В связи с решением Советского правительства о сокращении вооруженных сил СССР на 1 миллион 200 тысяч человек эта дивизия, как и ряд других авиационных, танковых, артиллерийских и других боевых частей Группы советских войск в Германии, общей численностью в 33 500 человек, возвращается на Родину для расформирования. На аэродром в качестве гостей прибыли представители командования американских, английских и французских войск в Германии, представители польской, чехословацкой, югославской, бельгийской и канадской военных миссий в Берлине.

Выступая на митинге, заместитель Премьер-Министра ГДР Отто Нушке сказал:

— Советская Армия пришла к нам как освободительница. Воины Советской Армии оказали нам большую помощь, и мы глубоко благодарны им. Мы прощаемся с вами, как с друзьями, друзьями мы и останемся.

Такие же сердечные про-

В тот же день гости побывали на Всесоюзной промышленной выставке.

Из Москвы на родину вылетел наследный принц, заместитель Премьер-Министра и Министр иностранных дел Йемена эмир Сейф уль-Ислам Мохамед эль-Бадр. В Москве перед отъездом наследного принца было подписано Советско-Йеменское коммюнике. В коммюнике выражена уверенность, что установленный личный контакт между государственными деятелями двух стран послужит делу укрепления взаимопонимания и дружбы советского и йеменского народов.

На снимке: проводы эмира Сейф уль-Ислама Мохамеда эль-Бадра на Центральном аэродроме.

Фото А. Гостева.

→

С 16 по 22 июня в Каире по приглашению Правительства Египта находился Министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов. Во время пребывания в Каире Д. Т. Шепилов вел переговоры с Премьер-Министром Республики Египет Гамаль Абдель Насером.

Из Египта Д. Т. Шепилов отбыл в Сирию. Программа его поездки включает также посещение Ливана и Греции.

На снимке: Гамаль Абдель Насер (справа) и Д. Т. Шепилов.

Фото агентства Интерконтиненталь.

воды воинов Советской Армии, уезжающих на Родину, были устроены в Магдебурге, Дрездене, Веймаре, Потсдаме, Франкфурте-на-Одере и других городах Германской Демократической Республики. Немецкая общественность ожидает, что западные державы последуют примеру Советского Союза.

М. ПОДКЛЮЧНИКОВ

НА СНИМКАХ:

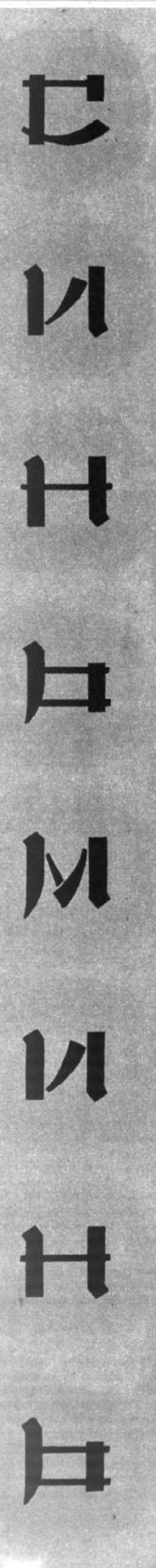
Представители командования западных держав на проводах в Бранденбурге.

Аэродром в Бранденбурге 20 июня. Советские самолеты перед вылетом на Родину.

В городе Магдебурге на стадионе «Эрнст Грубе». 21 июня, после прощального митинга, здесь состоялся парад отбывающих на Родину частей Советской Армии.

Фото ЦЕНТРАЛЬБИЛЬД.

Савва **КОЖЕВНИКОВ**

В Чэнду, центральном городе провинции Сычуань, я познакомился со скульптором из народа, стариком Цай Дзи-у. Он пришел ко мне в гостиницу в длинном, старинного покроя халате с разрезами на боках и в черной, плотно облегающей голову камилавке с шишечкой наверху. Поздоровавшись, он показал вылепленную им женскую руку и похвастался редкими свойствами сычуаньской глины.

— Из нее,— сказал он,— можно сотворить самые чудесные вещи.

Рассмотрев принесенные Цай Дзи-у щепотку белой и щепотку красной глины, нежной и чистой, я вежливо возразил скульптору:

— Глина превосходна. Однако я полагаю, что дело не только в материале...

Из скромности или по другим причинам, Цай Дзи-у не согласился со мной.

— Я так думаю,— ответил Цай Дзи-у,— глина послушна рукам потому, что в ней прах моих предков, их труд и их талант.

Скульптор сказал это без претензии на какое-либо обобщение, но его слова все время звучали у меня в ушах, когда я знакомился с Сычуанью, с ее людьми, с их судьбами.

В Сычуани я был в начале декабря. Но на кустах чайных роз по-весеннему набухали почки, по ночам около моего окна кричали цикады, на полях люди сеяли пшеницу.

Из Чэнду мы выехали на легковой автомашине в сельскохозяйственный производственный кооператив «Синьминь». Из оросительных каналов поднимался туман и так плотно закрывал дорогу, что встречных можно было заметить лишь за несколько шагов. К счастью, туман скоро упал, и перед нами раскрылась нескончаемая вереница тележек.

...Мы ехали долго. Утренний грузопоток схлынул. Все шире раскрывались поля. Как и дороги, они были красноречивы. Вместо крохотных лоскутков, на которые еще в прошлом году была изрезана китайская земля, мы видели широкие полосы. Крестьяне работали большими группами, разнося по полям удобрения.

То там, то сям стояли в одиночку между полос фанзы, окруженные плотными до непроницаемости бамбуковыми рощами. Что за жизнь там, за этими бамбуковыми завесами?

Перед поездкой в Сычуань мне довелось прочитать в газете «Хэнаньжибао» статью о массовом движении хэнаньских крестьян за кооперирование сельского хозяйства. Застрельщиками там выступили бедняки. Зажиточные середняки вначале издевались: «Беднядкая голь еще думает о создании кооператива, но где было видано, чтобы куриные перья взлетали в небо?»

Прошло два года, и «куриные перья» в Хэнани действительно «взлетели в небо». Что же происходит в сычуаньской деревне? Как чувствуют себя здесь «куриные перья»?

Узенькая нить дороги, извивавшаяся между полос и оросительных каналов, вдруг оборвалась. Оказалось, мы заблудились, и шофер не знал, куда ехать.

— Где «Синьминь»? — спросил он стоявшего на полосе старика.

— Здесь «Синьминь»,— ответил он спокойно, но, всмотревшись в нас, переспросил: — А вам какой?

Шофер ответил.

— Нет, здесь «Синьминь № 39».

Мы повернули обратно и через один — два километра остановились около группы крестьян, поправлявших мостик через канал.

— Нет,— ответили они,— здесь «Синьминь № 25».

Это повторялось еще два или три раза. Любая группа крестьян, которую мы встречали, была из какого-нибудь «Синьминя», но не из того, который мы искали. Думая, что над нами подшучивают, мои спутники спросили с усмешкой:

— Сколько же у вас «Синьминей»?

— Сорок шесть,— ответили нам серьезно и посоветовали свернуть налево и искать вблизи дороги белый новый дом.

Он, как и все дома в Сычуани, стоял среди зарослей желтеющего бамбука. Нас, оказалось, уже поджидали, навстречу машине шло около десятка крестьян.

...Все началось в этой деревне в памятный осенний вечер 1952 года, когда Ло Ши-фа после беседы с секретарем уездного комитета партии вернулся домой. Беседа взволновала молодого крестьянина-коммуниста, и его глазам уже представлялась картина: вся деревня кооперирована, крестьяне получают высокие доходы, на полях вместо мотыг работают тракторы, по дорогам везут груз автомашины.

На деле все оказалось не так просто. Когда в бригаде трудовой взаимопомощи, которую возглавлял Ло Ши-фа, зашел разговор о создании производственного кооператива, тетушка У неистово закричала:

— Председатель Мао дал мне землю, а вы хотите отобрать! Не отдам, ни за что не отдам!

Ло Ши-фа хотел что-то возразить, но тетушка У заткнула уши пальцами и выбежала из комнаты. Вслед за ней вышел ее сын У Чин-юн.

Наступило тягостное молчание.

— Ничего у вас не выйдет,— заговорил наконец зажиточный крестьянин Цзын Фан-юй. Он встал, обвел всех высокомерным взглядом и — удивительное дело! — сказал буквально те же слова, которые в таких случаях говорили зажиточные крестьяне и в Хэнани: «Виданное ли дело, чтобы куриные перья поднимались в небо?»

Из всех членов бригады только молодая вдова Цзын Юй-цин сказала:

— Ю сы.

Так говорят в Китае, когда человек одобряет то, что ему понравилось. В дословном переводе оно означает «есть смысл».

Вдова сказала «ю сы» тихо, ее не услышали или сделали вид, что не услышали. Цзын Юй-цин — молодая красивая женщина. Многие из мужчин тайком поглядывали на ее тонкое, чуть грустное лицо, на черные, как смоль, длинные косы. Все уважали Юй-цин за ум и рассудительность. Но почему она суется в мужские дела? Давно ли женщины не только не участвовали в общественных делах, но даже в поле не работали и вообще не могли показываться на людях, если им не перевалило за 40 лет!

Во всяком случае, никто из бригады не отозвался на реплику вдовы. И уже потом, когда все расходились, один совершенно обнищавший бедняк заявил:

— Я вступлю в кооператив.

Правда, повернувшись к зажиточному середняку Цзын Фан-юю, он добавил, как бы оправдываясь:

— Когда человек наг, он начинает верить в чешуйчатых.

Ло Ши-фа, никак не ожидавший такого исхода, пришел в уездный комитет крайне расстроенный и категорически потребовал:

— Прикажите, чтобы эти дурные старые головы вступили в кооператив!

Ему сказали, что в социализм нельзя вести людей насильно. Нужно разъяснять, воспитывать.

В помощь Ло Ши-фа приехал кадровый работник, и в ноябре 1952 года кооператив был создан. Весенний урожай, а потом и осенний были настолько хороши, что многие члены кооператива получили доходов вдвое больше, чем в своем единоличном хозяйстве. В уезде думали, что кооператив укрепился. Но один из его членов, У Чин-юн, однажды услышал, что в горном уезде Маосен цена на рис повысилась, и подал заявление о выходе, чтобы заняться торговлей.

Это вызвало разговоры:

— Он неплохо «сообразил»: заработал и уходит.

— Ему не так легко выйти: в его дрянное поле кооператив внес столько удобрений, что ему с нами не рассчитаться.

Некоторые просто молчали.

Председатель Ло Ши-фа пытался уговорить У Чин-юна, даже стыдил его, но тот уперся, как буйвол.

На очередном общем собрании просьба У Чин-юна была удовлетворена. Когда председательствующий объявил об этом, с места встал сутуловатый, со скрюченными руками Тан Син-фа и проскрипел своим надтреснутым голосом:

— Освободите меня из кооператива. Я овощами надумал торговать.

Тан Син-фа был из самых последних бедняков в деревне. Раньше он не имел даже фанзы и жил в шалаше из рисовой соломы, пристроенном к бамбуковому забору помещика. Из-за бедности не мог жениться. Аграрная реформа дала ему десять му земли и одну «ножку», то есть корову на четырех домохозяев.

Для Ло Ши-фа просьба Тан Син-фа была так неожиданна, что он до боли сжал кулаки, чтобы не закричать.

Собрание загудело. С места вставали середняки и один за другим заявляли о выходе из кооператива. От бессилия и растерянности Ло Ши-фа заплакал. В конце концов, ему было всего лишь 27 лет, и это был первый бой, который давала ему жизнь.

— Перестань плакать! — крикнул с места обозленный Сюй Ди-ин, бедняк, сосед Ло Ши-фа.— Если мы даже вдвоем с тобой останемся, то все равно кооператив будет жить.

— Я тоже остаюсь,— сказала вдова Юй-цин.

Из пятнадцати дворов в кооперативе осталось семь.

— Ничего,— успокаивающе сказала Юй-цин,— мы и всемером пойдем вперед.

Ло Ши-фа невольно взглянул на вдову. Он никогда не думал, что эта хрупкая, придавленная раньше женщина подставит свои не очень уж крепкие плечи под

Первый трактор пришел на поля кооператива (провинция Сычуань, округ Пи).

тяжесть, которая никем и никогда еще в Китае не была испытана.

...Прошло всего два месяца, как однажды ночью Ло Ши-фа услышал стук в дверь. Он подумал, не случилось ли что в деревне, поспешно набросил на плечи куртку и спросил:

— Кто там?

Ответил женский голос. За дверями стояла тетушка У.

— Мы ошиблись,— сказала она, войдя в комнату,— я пришла просить, чтобы вы сказали за нас несколько слов.

— Что сказать за вас? — не понял Ло Ши-фа.

— Мы хотим вернуться.

В первые две поездки в уезд Маосен У Чин-юну удалось выгодно продать рис, но потом цена упала. Он долго ждал повышения, но не дождался: по всей Сычуани начались плановые государственные закупки риса, и цена установилась твердая. У Чин-юн вернулся домой с убытком. В это время в кооперативе пшеница уже взошла, а его поле лежало невспаханным. Он поссорился с матерью. Мать, узнав, что сын потерпел убыток, закричала:

— Мы не должны заниматься торговлей!

— Это же ты говорила, что у нас руки не свободны.

— Хорошо. Я виновата. Но нужно вернуться.

— Мне неудобно.

Вот почему тетушка У сама пришла к председателю. Ло Ши-фа ответил ей не сразу.

— Это я виновата, я говорила сыну, что кооператив — это черная кожа!

— Дело не в черной или белой коже. Надо посоветоваться с членами кооператива.

— Если ты скажешь «да», все согласятся.

— Такие вопросы решает общее собрание.

— Пока не дашь согласия, я не уйду.

— Почему вы так торопитесь? Я думаю, все согласятся.

— Будем считать, что они уже согласились,— прощаясь, сказала тетушка У.— Я скажу, чтобы сын завтра вышел на работу. Можно пока не записывать ему трудодней.

Утром Ло Ши-фа услышал в поле голос своего соседа Сюй Дина.

— Эта земля не твоя, зачем ты ее копаешь? — спрашивал у кого-то Сюй.

— Помогаю вам. Разве плохо?

Это отвечал незадачливый «торговец» У Чин-юн, с утра работавший, не разгибая спины, на кооперативном поле. Председатель невольно рассмеялся.

Я приехал в «Синьминь» через два года после описанных событий. Внешний облик людей меняется не очень быстро, и поэтому без труда, по тем приметам, которые были названы мне в Чэнду, различил среди встречавших нас людей почти всех «действующих лиц».

Прежде всех я увидел Цзын Юй-цин. Она была в новой ватной куртке чистого синего цвета и в узких брюках, какие носят все китаянки; у подбородка виднелся желтый воротничок вязаной шерстяной блузки. Председатель Ло Ши-фа, серьезный не по возрасту, с двумя глубокими продолговатыми морщинками на переносице, был повязан белым платком, какой носят все сычуаньские крестьяне. На бедняке Тан Син-фа, сутуловатом, со скрюченными руками, был черный фартук. Это тоже одна из особенностей одежды сычуаньских крестьян. Узнал я и У Чин-юна, доставившего в свое время столько хлопот кооперативу. Рядом с ним стоял какой-то низенький юноша, по виду почти подросток, и все время широко, открыто улыбался.

— Это Чжан Сы-дэ,— представил нам юношу председатель.— Он сирота. Во время аграрной реформы получил один с третью му земли, но чуть было не потерял это богатство. Из-за нужды вздумал землю продать. А что такое крестьянин без земли?

Потом председатель познакомил нас с Цзын Фан-юем, который говорил два года тому назад, что «куриные перья не смогут взлететь в небо». Он сейчас сам состоит в кооперативе, но пришел к нему, как говорят, «с боями».

Цзын Фан-юй — человек зажиточный. У него было достаточно земли, инвентаря, удобрений и рабочей силы. С первого дня возникновения кооператива он начал «соревноваться» с ним, чтобы доказать, что в единоличном хозяйстве крестьянин-середняк может больше получить дохода, чем в кооперативе. Когда кооператив удобрял поля под бобы, Цзын Фан-юй на каждый му своей земли притащил 50 корзин удобрений вместо 20, которые вносил кооператив. Однако он явно перестарался. Земля оказалась «перекормленной» и дала только по 240 цзин бобов с одного му, а кооператив получил по 306.

Цзын Фан-юй не сдавался. При посадке риса кооператив применил загущенный посев. Цзын Фан-юй считал, что это погубит рис, и посадил его по дедовскому методу. И опять просчитался. Коопе-

ратив собрал по 613 цзин с му, а он — только по 530.

— Что же вас убедило? — спросил я Цзын Фан-юя.

— Доход, конечно,— ответил он.

Цзын Фан-юй поведал не всю правду. Потом, когда я беседовал с председателем с глазу на глаз, он сказал, что Цзын всеми силами старался выбиться в кулаки. Но что он мог поделать? Начать торговлю? Но разве одолеешь снабженческую кооперацию? Путь ростовщичества закрыл кредитный кооператив. Нанимать батраков стало невозможно: все односельчане вступили в производственный кооператив.

— Цзын Фан-юй,— сказал председатель,— был последним единоличником в нашей деревне.

— А помещики, кулаки?

— Вначале мы их не допускали в кооператив, но когда вся деревня кооперировалась, пригласили на собрание и сказали, что они тоже могут вступить, если пожелают. А куда же их девать? Будем перевоспитывать трудом. Нас сотни, неужели не перевоспитаем?

Белый дом, который мы так долго искали, оказался кооперативным клубом. Это был просторный зал с глинобитным полом, с окнами, частые переплеты которых вместо стекол заклеены прозрачной бумагой. Во многих местах бумага была прорвана, в отверстия вливались яркие солнечные лучи и освещали дощатые стены, на которых висели фотоплакаты, изданные Обществом китайско-советской дружбы. Большинство из них — об опыте советских колхозов.

К одному из плакатов подошел переводчик и во всеуслышание прочитал подписи под пятью четкими, выразительными фотографиями:

1) Члены правления и специалисты колхоза имени Сталина, Ставропольского края, обсуждают производственный план; 2) Вид станицы Григориполисской; 3) Двести тракторов МТС обслуживают этот колхоз; 4) В колхозе более трехсот электромоторов; 5) Колхоз имеет тридцать грузовых и пять легковых автомашин.

— О, до этого нам еще далеко! — воскликнули в один голос несколько человек.

Я посмотрел на лица: на них нельзя было прочесть неверия. Люди говорили: «Нам до этого далеко»,— а в тоне голоса звучало: «Будет! И у нас будет!»

На большой стол, вокруг которого все мы, и хозяева и гости, расселись, принесли в высоких бокалах зеленый чай. На крышках бокалов была нарисована кукушка. Не та ли это кукушка, которая ежегодно созывает народ на весенний сев?

— Этой кукушке,— сказал Ло Ши-фа,— мы еще много причиним хлопот.

Взглянув на меня, председатель спросил переводчика, есть ли у советского товарища время и не хочет ли он узнать, почему сычуаньская кукушка появилась на полях в осеннее время.

Я подробно записал в своей тетради рассказ председателя.

Кооператив «Синьминь», как уже упомянуто выше, в первый же год получил повышенный урожай. В следующем году урожайность еще более возросла.

— А что вы намерены делать дальше? — спросили председателя в уездном комитете партии и посоветовали: — Подумайте, нельзя ли заставить землю давать три урожая в год?

Как и в осенний день 1952 года, Ло Ши-фа вернулся домой радостно взволнованным. Шутка, три урожая! Но он знал, что нелегко будет убедить членов кооператива. Из века в век, из года в год люди видели поля после уборки риса голыми. Земля отдыхала. Это было так же привычно и казалось таким же неизменным, как восход солнца утром и закат вечером.

Предложение уездного комитета обсуждалось несколько дней. Многие колебались. Ло Ши-фа настаивал. «Мы решили идти к социализму,— говорил он,— а путешествие даже на тысячу ли начинается с одного шага».

В сентябре 1954 года, когда был убран рис, на кооперативные земли вышли сотни людей. Всюду виднелись белые повязки на головах, черные фартуки. Люди пахали, боронили, сажали семена. Менее чем за 20 дней был посажен картофель и посеяны бобы на 1 100 му.

Всходы были хорошими. С каждым днем все выше поднимались ботва картошки и побеги бобов. И вдруг бобы начали желтеть. В эти дни с неба срывались снежинки. Но бобы желтели не от похолодания. Им не хватало удобрений. Крестьяне с тревогой смотрели на гибнущие поля. Пошли разговоры: «Кооператив развалится...» И опять в богатых домах стали повторять презрительную фразу: «Где это видно, чтобы куриные перья взлетели в небо?»

Правление кооператива создало 400 групп по сбору удобрений; с утра до ночи люди косили траву, собирали на дорогах навоз, разбирали и носили на поля старые фанзы, стены...

Пожелтевшие бобы ожили. Кооператив получил третий в том году урожай.

Так был сделан еще один шаг в путешествии на тысячу ли, в которое синьминьцы отправились в 1952 году.

...Мы вышли из клуба, чтобы осмотреть деревню. Была уже вторая половина дня, но солнце стояло еще высоко. Его прямые лучи золотили узкие, упругие листья бамбуковых рощ, как бы показывая нам, где находятся человеческие жилища. Сычуаньские деревни не имеют строгого порядка строений, почти каждая фанза стоит на обособленном участке. В деревне нет ни скотных дворов, ни общественных амбаров, ни помещений для машин. Нет и самих машин. Люди работают серпами, мотыгами, сохами.

Противники кооперирования сельского хозяйства Китая говорили, что нельзя приступать к созданию общественных хозяйств, пока нет возможности осуществить механизацию. Коммунистическая партия заняла другую позицию: сначала необходимо кооперировать, разъяснила она, и тогда станет возможным применять в сельском хозяйстве Китая крупную технику.

Именно этот процесс мы видели в кооперативе «Синьминь». Мы стояли около клуба и смотрели на разбросанные в разных местах фанзы и на широкие поля без межей. От самого клуба уходила вдаль к бамбуковым рощам полоса красноногой гречихи, а дальше на такой же просторной полосе зеленели побеги бобов. Это зрел третий урожай. Группы людей носили на упругих коромыслах удобрения. Шла подготовка к севу пшеницы — первому севу нового года.

— Вот эта полоса гречихи,— сказал председатель,— вспахана трактором. Его давал нам госхоз. Думаю, пройдет два — три года, в Сычуани будут созданы МТС и все поля в кооперативах будут пахать машины.

Рядом с нами стоял Тан Син-фа. Я напросился в гости, чтобы посмотреть его шалаш. Но товарищ Тан привел меня в большой дом с несколькими двориками и пояснил:

— Этот дом принадлежал тому помещику, у изгороди которого стоял мой шалаш.

Комната была, правда, темновата. Только приглядевшись, я заметил в ней ларь, сплетенный из бамбука. Он до краев был наполнен рисом. На жердочке, прикрепленной у потолка, висели стручки красного перца, связки чеснока, лука (сычуаньская кухня славится на весь Китай острыми блюдами).

Крестьяне, которые зашли вместе со мной в комнату Тан Синфа, усиленно обращали мое внимание на кровать. Что же там такое? Оказалось, на ней лежало новое стеганое одеяло — обновка, которой сам Тан Син-фа еще не верит.

Когда мы подходили к соседней фанзе, навстречу выбежала смущенная женщина и что-то часто-часто заговорила.

— Она просит советского товарища,— сказал переводчик,— извинить ее: в комнате не очень прибрано.

— Пусть она покажет своих младенцев,— посоветовал председатель.

Женщина быстро скрылась в фанзе и через минуту бережно вынесла на руках мальчиков-близнецов. Они морщились от солнца и искали своими маленькими язычками грудь матери.

— Вот какая радость в нашем кооперативе,— сказал, широко улыбаясь, председатель.

Мне вспомнились злобные измышления зарубежных врагов о так называемой «перенаселенности Китая» и о том, что китайская земля не сможет прокормить все население. Когда я сказал об этом председателю, он досадливо махнул рукой:

— Они, видно, ничего не знают о том, что происходит в нашей стране. Когда по всему Китаю будут созданы такие кооперативы, как наш, мы сможем прокормить не только себя, но и еще шестьсот миллионов человек.

Мне довелось побывать во многих домах кооператива «Синьминь», но я расскажу только о посещении Цзын Юй-цин, потому что у нее мы задержались дольше, чем где-нибудь. Мы долго любовались традиционными, как и вышивки на шелке, художественными вырезками, которые сделала Юй-цин из цветной бумаги. На наши ладони ложились цветы, золотые рыбки, птица-феникс, беззвучно рычащие звери, колосья риса. Все это было вырезано ножницами с такой филигранностью и с таким вкусом, что мы невольно взглянули на руки Юй-цин! Какие умные, талантливые руки!

Потом вдова показала нам примитивный ткацкий станок, за которым она сидела годы, не смея показаться на людях.

— Есть мужья, которые и сейчас запрещают женам выходить на улицу,— сказала Юй-цин.

— Нет таких! — крикнул кто-то.

И сразу же раздалось несколько голосов:

— Есть, есть!

Разговор пошел о быте. Ло Шифа рассказал, как раньше деревня встречала Новый год. В Китае это большой праздник. Он отмечается по лунному календарю, поэтому каждый год бывает в разное время. Было принято, как закон, что на Новый год должен быть ужин из девяти блюд, даже если для этого придется влезть в долги на несколько месяцев.

— Перед встречей этого Нового года,— сказал Ло Ши-фа,— в нашей деревне каждый двор зарезал по курице. Все были одеты в праздничное платье. На воротах домов висели лозунги, написанные на красной бумаге. Более пяти тысяч человек приходили к нам с поздравлениями из всех сорока пяти синьминев. Вместо сластей, которые раньше родственники дарили друг другу, они приносили нам в подарок по горсти лучших, отборных семян...

Под вечер приехала в деревню и зашла к нам «на огонек» секретарь волостного комитета партии Хуан Цзын-сянь. Она так молода, что я вначале подумал: наверное, технический секретарь.

— Нет,— возразил переводчик,— товарищ Хуан является первым секретарем, и она же председатель волостного народного комитета.

Хуан Цзын-сянь рассказала, что в волости шестнадцать деревень — две тысячи восемьсот пятьдесят четыре двора. Две с половиной тысячи из них объединены в кооперативы.

— Вам рассказывали,— спросила она,— как возник здешний кооператив? Так вот, он был родоначальником всех остальных. Поэтому-то в первый день нового года каждый из них несет в «Синьминь № 1», как старшему брату, по горсти лучших своих семян.

Вспомнив наше утреннее блуждание по волости, я спросил:

— Почему все сорок шесть кооперативов называются одинаково?

— Знаете, что означает слово «Синьминь»? — сказала товарищ Хуан.— Оно означает «новый народ». Хорошее название. Почему нужно выдумывать другие? К тому же не больше чем через два — три года все эти мелкие кооперативы объединятся в один.

— В этом нет «гигантомании»?

— Нет! — ответила товарищ Хуан.— Кооператив будет иметь тысячу четыреста гектаров земли. Разве это много? Сколько земли в среднем колхозе Советского Союза?

На обратном пути из «Синьминя № 1» я видел ту же красную землю, но она приобрела в моих глазах особый смысл. Я вспомнил старика-скульптора и его слова о том, что сычуаньская земля состоит из праха, труда и таланта предков и что из нее «можно сотворить самые чудесные вещи». Сычуаньские крестьяне, с которыми я познакомился и провел день, представились в образе этого скульптора. Они создают самое красивое, самое великолепное на земле — социализм.

М. К. Клодт. НА ПАШНЕ.

Государственный Русский музей.

Живописец Михаил Константинович Клодт принадлежит к известной семье русских художников XIX века. Окончив петербургскую Академию художеств, он был послан пенсионером за границу. После возвращения на родину в 1861 году М. К. Клодту за картину «Ночной вид в Нормандии» присваивают звание академика.

Живописец много ездит по родной стране, отражая в своих произведениях образы крестьянской России. Все его творчество проникнуто демократическими тенденциями.

Член-учредитель Товарищества передвижников, Клодт сыграл значительную роль в истории русского пейзажного искусства.

Публикуемая в этом номере картина М. К. Клодта «На пашне» принадлежит к числу лучших произведений художника.

М. К. Клодт. ПОЛДЕНЬ.

Куйбышевский городской художественный музей.

Повесть

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Перед ними раскрылось настоящее глухое ущелье во всей его дикой прелести. Посередине клокотала и пенилась река, неся бурую массу воды через большие камни, скатившиеся когда-то в ее русло. Только кое-где их черные, сглаженные водой спины показывались из-под бешеной воды. Река была такой многоводной, что казалось: еще один хороший дождь в верховьях, и она смоет дорогу, пена взлетит до утесов, стоявших по другую сторону дороги, и камни, торчащие повсюду из воды, утонут навсегда в ее полноводной ярости.

По сторонам реки стояли стены ущелья. Там, где они чернели боковыми щелями и узкими проходами, хлестала вода ручьев и маленьких речек, гулко гремя в коридоре, криво идущем вверх, к ледникам и вершинам, закутанным большими серыми и синими тучами. Стены ущелья то были совершенно отвесными, гладкими, как отполированные, то пестрели желобами и морщинами, бороздившими их доверху.

Над их складчатыми вмятинами иногда мелькала зеленая площадка, над которой снова нависали скалы, и не было конца этим поднимавшимся в бесконечность ярусам, где уже свистел только ветер. Сверху, из-под гребня, срывались тяжелые, истертые бурями, острые каменные осколки, чтобы вызвать ниже целую каменную лавину, летевшую дальше в облаке пыли, грохоча. Иногда обламывались целые скалы и падали прямо на дорогу, и надо было останавливаться, чтобы расчистить путь. Так и случилось во вторую половину дня с машиной Фуста. Целыми часами окрестные крестьяне, которым обещали хорошо заплатить, разбирали завал.

Полдня ушло на эту работу. Умар-Али отвел машину несколько назад и сидел около нее, смотря, как десятка два горцев с ломами и лопатами сбрасывали в реку камни, и каждый раз, когда камень рушился в воду, шум реки как будто увеличивался и с каждым брошенным в нее камнем становился грознее. То, что голос ее изменился со вчерашнего дня, было заметно даже непривычному уху. Что-то ужасающее и злобное было в этом голосе и в быстрине проносящейся воды, какая-то безудержная жестокость. Фазлур помогал сбрасывать камни с дороги, умело ворочая ломом. Он был таким ловким и сильным, что крестьяне охотно шутили с ним и перекидывались словечками по поводу происходящего.

— Проедем дальше? — спрашивал он этих горцев в запыленной одежде, с лицами, по которым катился пот.

— Дальше? А куда дальше? — спросил один из горцев, в войлочной шляпе с закатанными полями. У него были жесткие короткие усы и небольшая, такая же жесткая борода.

— Дальше по ущелью,— сказал Фазлур.

— К самому Кучу или к Чилмаррабату?

— К Кучу...

— Не проедете,— сказал жесткобородый, отирая пот тыльной стороной руки.

— Не проедете,— сказал другой, с чуть косыми глазами, похожий на ладакца. Его широкоскулые бронзовые щеки лоснились от пота.

— Там обвалов ждут на дороге и наводнения. Поток на днях все снесет. Проехать нельзя. Машина будет там...— Он показал в реку, и крестьяне засмеялись при этих словах.

— А пешком пройти можно? — спросил Фазлур.

— Если пойдешь ты, пройдешь,— сказал похожий на ладакца,— а если господа,— утонут, не сумеют. Буйвол в такой воде тонет: не осилит.

— А как же я пройду? — спросил Фазлур, помогая оттаскивать большой обломок скалы с дороги.

— Ты молодой, а молодой везде пройдет...

Фуст и Гифт сидели на камнях и курили с таким безразличным выражением лица, как будто не ущелье заставило их ждать открытия дороги, а они сами решили сидеть и думать столько, сколько им захочется. Они даже не разговаривали, а только пыхтели трубками и поглядывали исподлобья на отвесные стены ущелья, возносившие свои уступы в синюю пустыню неба, где, легко распластав крылья, висел орел, следивший с километровой высоты за суматохой на дороге.

— Что вы там ищете, в конце ущелья? Там нет хода никуда,— сказал молодой парень, сталкивая в пропасть очередной камень.

— Они ищут вчерашний день,— ответил ему, опередив Фазлура, человек с лицом ладакца.

Парень засмеялся.

— Тогда им нужно ехать в обратном направлении.

Фазлур ответил:

— Они интересуются, как живут люди в горах, как выглядят эти места.

— Значит, они как шпионы, которые все выглядывают,— сказал парень.— А много им за это платят? Тут были уже такие, и нам говорили, что они шпионы. Как твои, они все выглядывали.

— Они ученые,— Фазлур вонзил лом в груду камней,— тот, что с усиками, больше пишет, а тот, что выше ростом, больше фотографирует. Я не знаю, шпионы они или нет. И сколько им платят, я не знаю. Во всяком случае, они люди не военные.

— А нам заплатят за работу? — спросил другой горец.

— Если не заплатят,— сказал парень,— я снова завалю дорогу. Это нетрудно. Кто это слыхал, чтобы такую работу я делал даром!..

— Ты сначала сделай,— усмехнулся Фазлур.— Я сам похлопочу, чтоб вас не обманули при расчете...

— И ламбадар говорил, что будут платить, — сказал горец с лопатой. — Теперь уже скоро конец. Еще немного осталось, и они поедут.

Все труднее и труднее становилось пробираться по ущелью к северу. Подмытая рекой дорога местами становилась такой узкой, что, казалось, невозможно пройти машине. Она прижималась к скале и, дрожа всеми винтами, пробиралась дальше. Через дорогу бежали ручьи,— того и гляди, машина сядет в каменной каше расползавшихся камней и останется навсегда среди пенистых струй бокового потока, но она вылезала из камней и шла. На остром повороте дороги можно было ожидать, что машину занесет за край площадки и она упадет под откос, но она не упала.

Сколько раз выходили из нее, сколько раз подкладывали под нее камни, сколько раз с опасением смотрели, как она ползет по крутому подъему со стоном раненого животного! Умар-Али не говорил ни слова, но его сухое, серьезное лицо отражало все страдания его машины.

Вечер застал их на своеобразном месте, где скалы были расположены полукругом, и от них спускался к реке мягкий склон, покрытый травой. На зеленом выступе отдельно друг от друга стояли маленькие горные хижины. Вернее, это были каменные домики, очень маленькие, в одну — две комнаты, с навесом и крышей, на которой лежали камни, чтобы крышу не сорвало суровым горным ветром.

Самый вид этих домиков под серыми, некрасивыми скалами в другое время вызвал бы чувство успокоения; все же это было место, где есть люди, где можно отдохнуть. Но приехавших поразило то, что домики казались совершенно пустыми и вокруг них было полное безлюдье.

Они увидели старика, нагруженного небольшими мешками и корзинками. Тяжело опираясь на палку, он шел, согнувшись под тяжестью своей ноши, и когда его окликнул Фазлур, недовольно пробурчал что-то, чего Фазлур не понял.

Но он догнал старика уже на едва заметной тропинке, которая извивалась между скал и шла в гору. Фазлур поговорил с ним и вернулся к ожидавшим у домика Фусту и Гифту.

— Что здесь случилось? — спросил Фуст.

— Старик говорит, что все жители ушли на гору, потому что здесь будет сайлаб; эта гора неверная, она оползает, и они не хотят погибать.

— Что такое сайлаб? — спросил Гифт.

— Сайлаб — это наводнение. Старик показал на реку и сказал мне: «Посмотри. Видишь, какая она? И уходи. Больше тебе здесь делать нечего». Взгляните!

Они взглянули, куда указывал Фазлур, и увидели, как по тропе вверх, высоко над зеленой лужайкой, как бы повисшей в воздухе, идут люди, и их крошечные фигурки, освещенные вечерним солнцем, поблескивают серебром и золотом. Это солнечные лучи скользили по медным кувшинам и посуде, одежде и вещам домашнего скарба, которыми они были нагружены. Они шли не прямо вверх, а уходили в сторону, и в их движении было что-то тревожное и грустное.

Фуст и Гифт переглянулись.

— На сегодня хватит,— сказал Фуст,— мы с Гифтом остановимся здесь.

Он вошел в домик, где почти ничего не было. Пустые лари, пустые шкапчики и сундуки, несколько низких табуреток, очаг и деревянные кровати без матрацев. Рядом с очагом лежала связка сухого хвороста.

— Машину сюда не поднять,— сказал Фазлур.

— Машина пусть останется у того низкого домика, и вы там устроитесь вместе. Странно, в чем они видят опасность?

Фуст велел Умар-Али принести в домик консервы, свечи, одеяла и другие необходимые вещи из машины и растопить очаг, чтобы было немного теплее в комнате, где от стен веяло сыростью.

Пока они переодевались во все теплое, пока Умар-Али разводил огонь, совсем стемнело. В ущелье как-то сразу все звуки стали глуше, и даже рев нарастающей воды стал более однотонным, как будто уменьшился. Гифт вышел из домика, он хотел спуститься вниз и пройти немного вперед по дороге, пока еще не упала темнота.

Фазлур поднялся выше площадки, на которой стояли домики. Тут за скалами он услышал какой-то новый звук, который поразил его. Казалось, рядом с ним или под ним бушует водопад, но его нигде не было видно. Когда он обогнул скалу, то очутился перед ослепительным и оглушительным потоком, ко-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26.

торый несся со стремительностью поезда прямо вниз и сливался с рекой чуть правее этого маленького мягкого склона, где стояли домики. Для Фазлура было ясно, что если поток получит новую силу от дождей наверху, то он выйдет из берегов, захлестнет домики и обрушится в реку с такой яростью, что его разрушительной силе нечего будет противопоставить. Он знал такие потоки и беды, которые они несли. Ничто живое, попав в них, спастись не может. Этого потока боялись жители или ожидали общего наводнения? Ясно было и то, что дальше путь машине прегражден.

Фазлур прошел мимо верхнего домика и вступил на тропу, уводившую в гору. С этой тропы хорошо был виден кусок дороги внизу. Над самой дорогой он увидел утес, который имел пологое продолжение вверх, и с него можно было попасть на тропу, на которой стоял сейчас Фазлур. Если даже прибежать снизу к этому утесу, то никакими силами на него не взобраться. Но если иметь при себе веревку и бросить ее с утеса вниз, это в случае наводнения хороший выход. О нем стоит подумать. Он прошел к утесу довольно легко и внизу увидел Умар-Али, который стоял около машины. Он закричал ему, и тот сначала недоуменно водил головой, не понимая, откуда кричат. Увидев на утесе Фазлура, он закричал ему в ответ, думая, что Фазлур просто для забавы лазит по скалам.

Возвращаясь на тропу, Фазлур вышел из-за камней и хотел спуститься к домику. Впереди него по тропе к домику спускалась горянка. Он не мог видеть ее хорошо, потому что она шла быстро, ее закрывали повороты тропинки, и он ускорил шаги, чтобы поспеть за ней. Он видел, как в открывшееся окно высунулся Фуст, взглянул вверх, взгляд его скользнул по горянке, и Фуст скрылся. Горянка не видела его. Она быстро вошла в дверь. Фазлур бежал изо всех сил к домику. Там сначала была полная тишина. Потом он услышал резкий крик. Кричала женщина. Фазлур, добежав до двери, рванул ее и очутился в комнате, слабо освещенной свечой и огнем очага.

Перед ним был Фуст и девушка-горянка, которую Фуст держал за руки. Девушка, войдя в дом и не ожидая никого встретить, направилась сразу в угол комнаты, потом наклонилась, ища вещь, за которой пришла, а когда выпрямилась, кто-то схватил ее за руки. От неожиданности она дважды закричала. Но при виде Фазлура, в котором сразу признала читральца, успокоилась и только удивлялась тому, что незнакомый сагиб крепко держит ее за руки.

Фуст, выглянув в окно и увидев девушку, решил, что она идет в дом. У него мелькнула мысль, что девушка подослана Фазлуром. Он сам не мог объясниться с девушкой, которая, как ему показалось, рылась в его вещах, разбросанных на деревянной кровати, и он решил задержать ее. Крика ее не слышал ни Умар-Али, стоявший над рекой, ни Гифт, ушедший далеко по дороге вперед и неожиданно встретивший человека, который ехал на высокой лошади в сопровождении конного слуги.

Фазлур смотрел на девушку; ее чуть испуганные, чуть удивленные глаза с удовольствием рассматривали его. Девушка была не пугливая, очень задорная и острая на язык, как все горянки.

— Что он держит меня за руки, этот старый козел? — сказала она. — Если он испугался меня, так скажи, что я его не укушу.

— Что ты здесь делаешь? Ты взяла что-нибудь здесь?

— Мне нравится, когда только что вошедший в дом, где я живу, спрашивает, что я здесь делаю...

— Но ведь все твои ушли в горы?..

— И я ушла, но я забыла свой новый платок и вернулась за ним. Я не думала, что этот дворец, как только я его покину, понадобится богатому князю и его свите.

— Ох, сестренка, ты говоришь правду?

— Сначала пусть он меня отпустит, а то в самом деле он попробует моих зубов.

— Отпустите ее, — сказал Фазлур, — она пришла за платком, который забыла здесь... Это ее дом...

— А где же этот платок? Она лжет... — сказал Фуст, но отпустил руки девушки.

— Ищи свой платок, — сказал Фазлур.

Девушка мягко, как кошка, нагнулась, пошарила под кроватью и вытащила зеленый с золотыми блестками дешевый хрустящий платок, которым сейчас же повязала свою голову поверх белой косынки. Она хотела прошмыгнуть в дверь, но Фуст, загородив дверь, снова взял ее за руку. Освещенное светом очага, лицо его показалось Фазлуру красным, одутловатым и очень неприятным. Фуст глядел на Фазлура злыми, холодными глазами:

— Скажи ей, что я и мой друг — мы хотим, чтобы она осталась с нами. Скажи, что мы ее не обидим. Мы ей хорошо заплатим, скажи ей.

Фазлур взглянул на пламя свечи, которое колыхалось из стороны в сторону, на девушку, смотревшую теперь на Фуста, который сказал что-то ей непонятное, но касающееся ее. «А что, если кончить все разом, — подумал он. — Свалить Фуста с ног хорошим ударом, проводить эту девушку к ее родным там, на горе, и плюнуть на всю эту историю?»

Но его поэтическое, постоянно играющее разными образами воображение тут же нарисовало ему другую картину, причем нарисовало так мгновенно, что он снял с руки девушки руку Фуста и, гипнотизируя ее строгими глазами, смотря на амулет, висевший на ее шее, сказал Фусту:

— Ее нельзя трогать. Она приносит несчастье. Девушки этих мест — колдуньи, они все ведьмы. Она принесет и вам и нам — всем несчастье. Не надо иметь с ней дела.

Фуст недоверчиво и зло рассмеялся:

— Ты, значит, сам хочешь иметь с ней дело?

— Я не хочу иметь с ней дело, потому что она ведьма, а я не люблю, чтобы со мной случалось что-нибудь неожиданное и неприятное...

Пока они перекидывались быстрыми фразами, девушка с интересом переводила глаза с одного на другого. Она понимала, что речь идет о ней и что Фазлур на ее стороне. Он был красив, он ей нравился.

— Ты говоришь вздор, — сказал Фуст. — Если с ней нельзя спать, пусть она погадает. Я ей заплачу за гадание. Я хочу знать, какие тут колдуньи. И если вы врете оба, тогда поговорим по-другому.

— Что он хочет, этот человек с мертвыми глазами?

— Он хочет тебя...

Девушка засмеялась.

— Пусть присылает сватов к отцу на ту гору над рекой. Что он еще хочет?

— Он хочет, чтобы ты ему погадала. Я сказал, что вы все здесь колдуньи и ведьмы. Я убеждаюсь в этом, когда смотрю на тебя.

Девушка тихо засмеялась.

— Я не умею гадать.

— Что она говорит? — нетерпеливо спросил Фуст. — Почему она засмеялась?

— Она засмеялась потому, что, говорит, никогда не гадала такому важному сагибу. Но она говорит, что может убить тебя своим гаданьем. «Пусть он побережется», — сказала она.

— Не ей заботиться о моем здоровье, — сказал Фуст, — пусть гадает сейчас же...

— Он хочет, чтобы ты погадала ему, иначе он тебя не отпустит.

— А он даст за гадание деньги?

— Даст, конечно.

— А много он даст денег?..

— Много.

— А как гадают? Я не умею.

— Слушай, мы сделаем так. Я буду тебе говорить, что делать. Ты ничему не удивляйся. Будь только серьезной. Если ты фыркнешь, все пропало, и тебя выгонят и не дадут ни анны. Сначала сиди тихо, я скажу, что тебе надо приготовиться.

— Она согласна гадать, но говорит, что ей нужно собрать в себе силу, чтобы видеть. Нужно вспомнить заклинания.

Фазлур с удивлением увидел, что Фуст верит его словам. Обстановка была самая подходящая для гадания. Темноту рассеивала только свеча и дрожавший свет на очаге, треск сухих сучьев нарушал тишину. Девушке нравилась эта игра, и она тоже начала волноваться, входя в роль. Ее веселые глаза померкли — в них было что-то тяжелое и тревожное, голые руки с браслетами, где блестела бирюза, она вытянула перед собой, как бы намереваясь схватить Фуста. Вся она точно отяжелела и походила на огромную дикую кошку, приготовившуюся к прыжку.

Тишина стала гнетущей. Снизу от реки шел неясный гул, как бормотание тысячной толпы. Холодный ветер проходил в щели окон и дверей, колебля дым на очаге.

— Мы будем гадать на саже, — сказал Фазлур, и она повторила его слова. — Не повторяй слова мои,— продолжал он,— мы должны говорить разное. Я буду незаметно шептать тебе, а ты это говори громко вслух... Она говорит, — сказал Фазлур, — что она будет гадать на саже. Она просит вас взять из очага сажи и густо положить сажу на ладонь левой руки.

— Нельзя гадать на чем-нибудь другом? — спросил Фуст, которому пришло в голову, что все это комедия и он играет роль дурака.

Но странно помертвевшие губы девушки, дрожащие ее руки (ей стало от волнения холодно) произвели на него впечатление, и он почувствовал, что хочет знать будущее каким угодно образом. Девушка шепнула:

— Надо гадать, а то он догадается об обмане.

— Она говорит, — перевел Фазлур, — что самое сильное гадание — на саже из очага.

Фуст покорно нагнулся и взял щепкой сажи, которой было столько, что можно было рисовать целые картины. Сажа легла на его левую ладонь, и он размазал ее, чтобы она легла плотным слоем. Девушка взяла его руку в свою и стала вдруг такой серьезной, что Фазлур подумал, что они в самом деле далеко зашли. Но отступать было уже поздно.

— Ты желаешь зла этому человеку? — спросила она.

— Да, я желаю ему зла, — поспешно ответил Фазлур и перевел: — Теперь я вам не буду переводить. Она сосредоточивается. И я буду говорить с ней только шепотом.

— Но не говори ему страшного, а то мне будет тоже страшно, — сказала девушка, и он почувствовал, что они все трое втянулись в игру, которая стала волновать их всех.

— Только ты не смейся, — шепнул он, но это было лишнее предупреждение. Девушка не смеялась.

Она сжимала своими сухими, длинными, смуглыми пальцами крепкую, большую руку Фуста. Никогда в жизни он не переживал подобного напряжения. Девушка бормотала какие-то слова. Она просто шептала, что на саже есть действительно какие-то рисунки, которые она с интересом рассматривала.

— Она говорит, что видит, как ты ждешь кого-то... Ты ждешь двоих и еще двоих...

Фуст вздрогнул. Девушке передалось это движение, и она, чтобы не выдать волнения, сжала сильней его руку. Ее глаза не отрывались от черной ладони. Губы ее шептали:

— Я не могу долго выдержать это.

— Она говорит, что ты их напрасно ждешь. Она спрашивает, кто они и где они. Ей будет легче видеть.

— Не все ли ей равно! — сказал Фуст.

Сердце его билось, как будто эта маленькая смуглая девушка читала его мысли.

— Она говорит: «Они не придут». Она говорит: «Я вижу снег, снег, ночь, снег, много снегу, горы. Они идут все четверо...»

Он замолчал. Девушка закрыла глаза, закусила губы. При свете свечи по ее лицу двигались какие-то полоски, отражения от золотых полосок на зеленом платке. Она сидела с закрытыми глазами. Фазлур наклонился к ней. Она шепнула:

— Кончай гадать, я больше не хочу.

Фазлур выпрямился.

— Она говорит: «Я вижу снег, горы, мрак, ночь, снег. Пусто все. Больше ничего не вижу. Снег падает. Они не придут. Я устала...»

— Этого не может быть, — сказал Фуст.

Зубы его стучали. Он отдернул руку и запачкал руку девушки сажей.

— Что не может быть? — спросил Фазлур, сам чувствуя, что нервное волнение Фуста передается ему. — Что не может быть?

Ему казалось, что сейчас что-то случится неожиданное, губы Фуста дрожали, как будто он хотел что-то громко сказать и не решался.

Девушка сказала:

— Я уйду. У меня болит голова.

— Она просит денег, — перевел Фазлур.

Фуст машинально вынул деньги и дал ей десять рупий. Девушка, также не глядя, спрятала бумажку.

— Этого не может быть, — говорил Фуст, счищая платком сажу с ладони.

— Беги, — сказал Фазлур девушке, — но подожди меня на тропинке, теперь луна, и там светло.

— Я подожду тебя, — сказала она и быстро выбежала из домика, так сильно хлопнув дверью, что Фуст поморщился.

Он сидел на кровати, заваленной мешками с провизией и одеялами, и хмурил брови. Фазлур стоял перед ним и растерянно говорил:

— Вы хотели, чтобы она вам гадала. Я не знаю, почему вы расстроились. Ведь это же не относится к нам.

— Да, — сказал Фуст, погруженный в свои мысли, как бы отвечая сам себе. — А если это относится именно к нам? Что я говорю!.. — Он вдруг, тряхнув головой, обрел снова спокойствие. — Фазлур, — сказал он, — она ведьма, ты прав. Но что это? Мне стало жутко и противно. Я ненавижу ее, и тебя, и всех, я ненавижу...

— Что вы говорите! — воскликнул Фазлур, но в это мгновение он услышал голоса, в дверь сначала постучали, а потом две темные фигуры возникли на пороге.

Первым вошел в комнату Гифт, на нем был теплый свитер и теплая куртка, на голове мягкая шляпа с узкими полями. Он успел переодеться перед прогулкой. За ним шел, опираясь на палку, прихрамывая, человек явно азиатского происхождения. Он был в халате, из-под которого виднелась толстая вязаная куртка, на голове у него была вязаная шапка. Толстые выпяченные губы, широкий плоский нос, скулы, узкие косые глаза, большой шрам на лбу, доходивший до носа, вздувшиеся жилы на висках, молодое лицо, перекошенное гримасой усталости.

Войдя, он прислонился к стенке, точно не мог стоять на ногах. Фазлур понял, что этот человек оттуда, с той стороны, иначе его не привел бы Гифт в таком виде к Фусту. Однако он решил это проверить.

— Если вам не нужен переводчик, то я хотел бы пойти посмотреть, как и где устроиться для ночевки, — сказал он, думая, что Гифт его остановит, но Гифт сказал:

— Он говорит немного по-английски, мы его поймем.

Когда Фазлур ушел, Гифт подставил пришедшему табурет:

— Ему надо выпить, он озяб.

Когда гость выпил виски, он осмотрелся, и его взгляд был явно разочарован убогостью обстановки, в которой его принимают.

— Я с ним уже говорил. Он плохо говорит по-английски, но я его понимаю. Он пришел от Уллы-хана.

— И что же? — Фуст почувствовал озноб, который невольно пробежал по его спине. — Что сообщает Улла-хан, где записка?

— Он потерял записку, — сказал Гифт, — вот он в каком виде. Сумка, в которой была записка, утонула при переправе...

— Да. — Оживившись, пришелец сделал несколько круговых движений руками, сопровождая их шипением и свистом. — Река плохая, очень плохая. Дороги нет, плохая, очень плохая. — Он забулькал, и в этом бульканье Фуст увидел, как сумка, где была записка, тонет в водовороте.

— И он не знает, что было в записке?

— Он знает, он сказал мне, что он прочитал записку и запомнил, что там было.

— Там было так, — медленно подбирая слова, говорил посланец: — Не обижаться просит Улла-хан за вести. Вести худые сообщает. Кажется, их всех убили китайцы. На границе всех убили. Но это еще слухи. Пришли с гор. Так в записке. Больше ничего нет. Просит не обижаться Улла-хан. Вся записка тут.

Фуст спросил, помрачнев:

— Откуда ты?

— Яркенд, — сказал сидевший, — я из Яркенда. Шел налегке. За перевалом плохо, очень плохо. Я погибал чуть, но вот ничего, записка — нет. Вода худая.

Было ясно, что спрашивать его больше не о чем.

— Куда же ты идешь? — спросил Фуст. — Или останешься?

— Нет останешься, — сказал яркендец. — Иду низ по реке. Читрал иду. Там есть кто-то. Туда иду.

— Ночью же ты не пойдешь? — сказал Гифт.

— Зачем не иду? Иду ночью. Днем спал. В пещере. Высоко горы обходил, река очень плоха. Смерть река.

— Ну, иди, — сказал грустно Гифт, дал ему денег, и он ушел во тьму этой непонятной и настороженной ночи.

— Странно все это, очень странно, — сказал Фуст.

— Что странно? — Гифт грел руки над разгоревшимся очагом.

— Странно, о том, что они могут не придти, я узнал час тому назад в этой комнате.

— От кого? — спросил Гифт, удивленно подняв брови.

— От духа, от горной макбетовской ведьмы.

— Может быть, и она на службе Уллы-хана?

— Я боюсь, что если она на службе, то не на нашей стороне...

Фазлур ждал яркендца, и когда тот пошел прямо к дороге, догнал его.

— Ты голоден? — спросил он.

— Нет, я сыт, — отвечал яркендец, — но я спешу. Я ухожу вниз.

— Ночью? А ночевать здесь не хочешь?

Яркендец посмотрел на него искоса, сказал:

— Время сейчас такое, когда нельзя доверить бритье своей головы другому, не рискуя головой.

— А они? — сказал тихо Фазлур. — Они идут к нам из Китая?

Яркендец провел рукой по своему горлу.

— Им всем конец, — сказал он, нахлобучивая свою высокую, толстую вязаную шапку, поверх которой были прикреплены горные очки в блестящей белой металлической оправе.

Фазлур простился с ним у дороги и пошел вверх, к той тропе, где должна была его ждать девушка. Уходя с ней по горе, он не мог видеть, как появились два всадника. Один из них, бросив повод другому, начал подниматься прямо к домику, где сидели Фуст и Гифт, а другой, взяв обеих лошадей, повел их к реке, к дороге.

Когда приехавший постучал в двери домика, ему открыл Гифт и приветствовал его, как лучшего друга.

— Входите, мистер Риклин, мистер Фуст уже осведомлен о нашей с вами встрече. Мы очень рады, что в этом тесном домике сможем организовать маленький ночлег. Мистер Риклин — инженер и знаток горных дорог...

— А, будь они прокляты, эти дороги! — сказал Риклин, и по его лицу пастора-проповедника прошло нечто вроде судороги. — Когда я тридцать лет назад приехал в Индию, я не думал, что буду кончать свою жизнь здесь.

Пришел Умар-Али, и в доме начали наводить порядок. Огонь в очаге вспыхнул ярко. Комнаты были выметены, походные постели разложены. Чайник кипел на огне. Виски было открыто. Консервы — тоже. Сухари и печенье лежали рядом. Вестовой мистера Риклина принес ему спальный мешок и надувную подушку. Можно было чувствовать себя не так одиноко, тем более, что появился новый собеседник с язвительной и острой тенденцией разговора, что обещало еще и хороший спор перед сном.

Риклин и Гифт расположились в задней комнате. Переднюю предоставили Фусту. Сейчас они все сели вместе, начали насыщаться как следует, потому что этот день для всех присутствующих был трудным и голодным. Надо было хоть вечером наверстать потерянное.

— Вы ветеран в этих краях, — сказал Фуст. — Никогда не думал встретить человека, который был бы так верен одной стране. Что же вас удерживало здесь и удерживает сейчас?..

— Неудачи, сэр, — ответил Риклин, — ужасные неудачи, которые я терпел всю свою жизнь. Я болен, и помочь мне могут только те места, где я проводил молодость. Я болен болезнью воспоминаний. Я похоронил в Индии жену, всех детей, всех друзей, и теперь я человек вполне одинокий, вполне свободный и вполне на своем месте. Я строю мосты, которые непрерывно снова сносятся сумасшедшими реками; я строю дороги, которые падают в те же безумные реки; я странствую по стране, которая вся стала безумной; я должен непрерывно передвигаться. Если прекратятся странствия, я умру в тот же день.

Он выпил стакан виски, сморщился, съел кусок паштета, намазанного на бисквит, и его вялое, бледнокрасное лицо пошло пятнами.

Фуст, перед которым неотступно стояла картина дикого гадания и появления яркендца, курил, кутаясь в плед. Гифт пробормотал, скандируя:

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне...

— Это вы хотите сказать про Индию, но ее уже больше нет. Есть Индия — Бхарат — и есть Пакистан, и даже два: Восточный и Западный, — сказал Риклин. — О какой стране ваша песенка? Я сам сначала думал, что это все одно, что это — мое богатство. Я влюбился в Индию в своей молодости. Нет, не в женщин, избавь меня бог от страсти этих черномазых красоток, хотя надо признаться, в молодости я встречал интересные типы. Я влюбился в возможность поглощать Индию, как роскошное блюдо. Я хотел богато жить — я жил, я хотел раболепия — я его имел. Хотел богатеть — богател. Не было преград этой энергии, для меня не было закона.

Гифт сказал:

— Закона не было, но зато вы и дошли до того, что мы видим вас ищущим приюта в этом гнусном домишке. Вы в сопровождении паршивого вестового скачете ночью по долгу службы. Где же ваша энергия, не знающая преград? Где же ваше всемогущество?..

— Да, ничего нет. Фью, фью! Все ушло. Но я здесь. И у меня воспоминания. Не будем говорить об этом, — сказал Риклин. — Вы можете, как молодой народ, ругать нас за многое, но история Индии, сделанная англичанами, это блестящая история. Сколько нужно было искусства, дипломатии, храбрости, жестокости, цинизма, лицемерия, чтоб удерживать такую страну и довести ее границы вот до этого места, где мы сидим! Раньше я так не говорил. Почему говорю теперь? Потому, что я весь в прошлом. Я измотал жизнь здесь. Через мои руки проходили состояния. Я их растратил, как и здоровье. И я никуда не могу уехать, проклиная эти дороги, эти края, этих людей, которые сходят с ума сегодня. Я никуда не могу уехать, я не могу уехать. У меня столько болезней, что я могу быть экспонатом нескольких клиник. Но дело не в этом. У меня есть еще силы сесть в седло и скакать по этим дьявольским дорогам. Настали жуткие времена. Мы ушли из Индии. Но я не ушел, я инженер Риклин, на которого смотрят, как на безумца, я не ушел и не уйду. Называйте это все, как хотите, для меня это была, есть и будет Индия. Я не верю, что они могут управлять. Это стоило уже миллионов жертв и будет стоить еще немало.

Они выпили еще по стакану виски и сидели, погрузившись в свои мысли.

Потом Гифт прервал молчание:

— Если английская империя сошла с арены, мы охотно будем ее наследниками. Это звучит не так плохо. Мистер Риклин завещает Индию, скажем, мистеру Гифту.

— Вам? — сказал Риклин, щеки которого после третьего стакана виски заалели. — Вам завещать Индию? Охотно. Но, джентльмены, вам понадобится для ее изучения и овладения ею тоже двести лет. Я желаю вам успеха, но прошу помнить, что, не зная народа, нельзя управлять им.

— В наше время все достигается быстрее, — сказал Фуст. — В Индии, в Пакистане все равно не может сейчас произойти ни одного события, чтобы об этом не знали американцы, какие бы тайные это ни были события. Техника в ваше время, мистер Риклин, была другая. Даже когда вы дрались с вашими колонизируемыми, техника того времени и то давала вам крохотное преимущество. Сейчас мы можем обойтись без академического ознакомления с так называемым народом. Техника позволяет обходиться без него. Нам нужны аэродромы, дороги, и стратегическое сырье, и слово, что вы нейтральны. Остальное мы берем на себя. Если вы построили аэродромы и дороги и у вас в резерве атомные бомбы, а в авангарде банки, где вы хозяин, — вы подписываете любой договор о мире, дружбе и взаимной помощи, и не надо нам никакого народа, которого вы так боялись в Индии. Его традиции, его права останутся при нем. Но в нашем веке сила решает все. Мы живем в новом веке, мистер Риклин... Англия устала, пусть она немного отдохнет. Не правда ли? Ваше здоровье! С благодарностью за щедрый подарок! Мы принимаем Индию, Гифт! А зовут ли ее сейчас Бхаратом или Пакистаном, это не имеет значения.

— Ну, что же, — сказал опьяневший Риклин, — сила решает все. Это хорошо сказано! Я согласен. Но я бессилен. Если вы так хотите, берите их всех к чертям, но помните завет Риклина: не кормите их, не лечите их, держите их в голоде. Это будет хорошо. А я буду проводить дороги. Не думайте, что я уступил Индию спьяна. Нет, я отдал потому, что она все равно ничья. Пусть будет ваша. А я буду строить дороги. Это очень важная вещь, господа. Сейчас никуда не надо ехать. Я тут все знаю. Сейчас все обвалится, будут наводнения, мосты все снесет к черту — вплоть до Читрала. Каждый год одна и та же история. Зачем вам ехать? Кто вы — тоже специалист по горным дорогам? — спросил он Гифта, наливая себе новый стакан.

— Я? Нет, я не горный инженер, я ботаник. Я собираю травки, разные цветы на лугах в альбом, в книгу, я с дорогами дела не имею...

— Может быть, вы дорожный инженер? — спросил Фуста Риклин, становясь багровым от выпитого.

— Нет, он географ, известный путешественник, член Гималайского клуба, — ответил за Фуста Гифт.

— Почтенные люди, почтенные люди! — Риклин положил в рот огромный кусок сыру и говорил, прожевывая его: — А что занесло почтенных людей в эту чертову дыру, где я наживаю новые болезни только для того, чтобы свидетельствовать, что наводнение обязательно? Об этом знают даже последние мальчишки-пастушата. Но нужен рапорт. Меня здесь забыли, — вдруг сказал он, — а все туземцы, эти коричневые утконосы, коварны и все предатели. Не верьте им. Они вас предадут. Так что же тут для вас интересного? Вы тоже напишете рапорт? — Он засмеялся довольным пьяным смехом.

— Мы занимаемся горным туризмом, а также пишем для географических научных журналов. Мы сейчас идем к Барогилю.

— От Барогиля до Советского Союза рукой подать, — сказал, прищурившись, Риклин, — идите посмотрите на эту страну, стоит посмотреть...

Фуст и Гифт, полупьяные, бросили на него презрительные взгляды. Гифт спросил:

— А мы хорошо доедем до Барогиля?

— Куда? — спросил как будто издалека Риклин. — Доедете? Зачем?..

Он был уже пьян, но все-таки храбро выпил еще стакан.

— Хорошо, что ему не надо ехать ночью, а то он упал бы с лошади.

— Кто упал с лошади? — сказал Риклин. — Тут нет лошадей. Есть ослы, а лошадей тут нет. Есть только моя лошадь. Из Кветты. Хороший жеребец. А тут нет лошадей. Ехать, куда ехать? Барогиль... — Он что-то вспомнил. — Ха-ха-ха! Какой Барогиль? Завтра тут будет дно морское.

— Он совершенно пьян, — сказал Фуст. — Что мы будем с ним делать?

— Дадим ему еще один стакан. И сонного я его уложу в спальный мешок. А нам нужно поговорить серьезно. Этот англичанин нам не помешает.

Раздались гулкие шаги по камням, и кто-то ударил в дверь сильно, но почтительно.

— Тут просто как в большом городе. Визитеры будут идти всю ночь, — сказал, вставая, Гифт. Он открыл дверь.

На дворе было ясно и холодно. На зеленом небе четко виднелись зубчатые скалы над рекой.

Перед Гифтом стоял мокрый полицейский; в нем Гифт узнал старого знакомца, рассуждавшего о песне мира, пропетой Фазлуром.

Его мокрые усы блестели, воротник куртки был поднят, через плечо висел патронташ, за спиной — охотничье ружье.

— Я к вам, — сказал он, вытирая ноги о порог.

Свеча от порыва ветра погасла, и пока Фуст зажигал ее, Гифт спросил полицейского:

— Отчего вы мокрый?

— Только что прошел дождь и к утру будет, — он взмахнул рукой, — там в горах обязательно. Я привез вам записку от ламбадара.

— Погрейтесь, вы озябли, — сказал Фуст, наливая ему виски.

Полицейский поклонился и, поморщившись, выпил, как лекарство, полез в боковой внутренний карман, достал кожаный бумажник и вынул из него записку. Ламбадар предупреждал, что ехать дальше нельзя. Ждут больших обвалов и наводнения. Он очень просит вернуться в селение, где все приготовит для их пребывания. Население уже покинуло угрожаемые места.

— Это правда, что жители уходят от наводнения? — спросил Фуст.

— Да, все уже ушли. Если вы обойдете эти дома, увидите, они уже все пустые. И река готова броситься. Пойдите к ней. Она как зверь. Это тут каждый год. Сейчас самое время наводнений. Что сказать ламбадару?

— А разве вы поедете сейчас обратно?

— Нет, я лошадь отпустил, тут остается дорожного инженера слуга. Он попасет, а я найду, где спать. У меня есть теплое одеяло, не беспокойтесь.

— Мы решим на рассвете, — сказал Фуст. — Где мы вас найдем?

— Я сам вас найду, — сказал он, — но я думаю, что вы вернетесь к нам. Мы будем ждать вас. Хороший вечер тогда был. Еще устроим, завтра же...

Он ушел.

Окончание следует.

ВЫСТАВКА СОВЕТСКОЙ КНИГИ

А. СИДОРОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

В здании Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина открылась выставка советской книги. Это одновременно смотр достижений издательского дела и полиграфического производства и праздник искусства книги, ее мастеров, которые глубоко и серьезно работают над оформлением и иллюстрированием литературы народов СССР.

На выставке до десяти тысяч книг, кроме того, плакаты, открытки, оригиналы иллюстраций. Свыше 300 художников участвовали в их создании.

На выставке можно видеть, что читают, чем интересуются советские люди. Сюда приходят люди с самыми различными запросами и проводят тут целый день. Мы видели здесь пытливых школьников, группы художников, изучающих или оспаривающих те или иные приемы убранства книги. Строгому и пристрастному разбору подвергается технология печати, в первую очередь воспроизведения художественных оригиналов, помещенных в книге или выставленных тут же в виде отдельных листов. Не случайно обсуждение выставки началось со встречи мастеров-полиграфистов и издателей. Разговор шел о качестве репродукций произведений искусства: уровень их мало удовлетворяет советского читателя.

Необычайно разнообразна продукция нашего книгоиздательства, огромен его размах. Тиражи книг, издаваемых в Советском Союзе, исчисляются миллиардами и постоянно растут. Но советская книга должна быть лучшей и по своему оформлению; ее внешность, художественный образ должны соответствовать ее идейному смыслу. И с этой точки зрения в экспозиции имеются книги, различные по своим достоинствам, оформлению, полиграфическим качествам.

Выставка устроена по группам издательств. Вот издания политические и научные, в первую очередь книги Госполитиздата. Строго оформлены томы собраний сочинений классиков марксизма-ленинизма; издательство выработало свой тип, свою форму такой книги. И если еще недавно ведущей в политической литературе была брошюра, теперь издания Госполитиздата стали объемнее, вырос и их тираж. В 1940 году Госполитиздат выпустил 474 названия тиражом 39,4 миллиона; в 1955 году — 317 названий тиражом 51,1 миллиона.

Вход на выставку.

Научная советская книга исключительно разнообразна. К ее оформлению привлекаются художники разных поколений. Выделяются многотомные труды по истории Москвы, по истории русского искусства — обильно иллюстрированные книги. Привлечение иллюстрации (для того, чтобы сделать книгу доходчивой и наглядной) характерно и для политической книги: альбом «Первая русская революция» Госполитиздата, первый том «Всемирной истории» — превосходные примеры очень продуманных и интересных по оформлению книг.

На выставке больше всего посетителей около стенда художественной литературы (Гослитиздат, «Советский писатель», «Молодая гвардия», Детгиз). Здесь книги яркие, богатые иллюстрациями. Поразительно широк диапазон приемов советских мастеров иллюстрации — одного из самых сильных отрядов нашего искусства. Гравюра на дереве — старейшая техника. Такие мастера, как Фаворский, Гончаров, Ростовцевы, — каждый приобрел свой определенный прием резьбы на дереве. Для всех них характерны строгость и упрощенность очертаний, густая чернота печати. Внешне прост, но исключительно содержателен рисунок у Кукрыниксов, Шмаринова, Верейского, Харшака, Дубинского; рисунок пером, порою подцвеченный, яркий, веселый, — у Кузьмина, Каневского; акварель, живописная, разной силы и яркости, — у С. Герасимова, Бехтеева, Дехтерева.

Советская книга в каждой из братских республик имеет свое оформление, своеобразное и содержательное.

Выставка позволяет оценить и развитие издательской деятельности наших областных центров. Мы можем сравнить с продукцией наших центральных издательств и ту, например, которую хорошо выпускает Свердловск.

Книга — помощница в борьбе за мир, в установлении дружбы и братства всех стран. Может быть, лучшим примером этого являются книга о Репине на китайском языке, напечатанная в Москве, иллюстрации к Мицкевичу, выполненные на Украине, или изданные москвичами «Старые французские повести», «Сказки Вьетнама», «Чешские сказки», книги об Индии и Китае, о труде людей разных стран, о красоте природы Армении и Грузии, о народных промыслах Латвии, Эстонии и Литвы, о великих художниках-реалистах Италии...

Выставка советской книги 1956 года исключительно богата, многое радует в ней.

Фото Г. Санько.

У витрины детской книги.

Туман еще не рассеялся

Альберт КАН

Недавно я зашел в большой магазин фотографических принадлежностей в Чикаго: надо было купить некоторые мелочи для фотоаппарата.

Старший продавец, приземистый лысый человек, любезно показывал мне выставку образцов товаров. Он спросил, какого рода фотографией я занимаюсь. Я ответил, что моя страсть — фотографировать детей, но при случае я делаю снимки и как журналист.

Продавец с интересом уставился на меня через толстые стекла очков.

— А что вы пишете? — спросил он.

Я сказал, что большей частью политические обзоры.

— Вот как? Жаль, что вы не заглянули к нам часом раньше. Здесь был человек, с которым вам стоило бы встретиться.

Он заговорил доверительно, слегка понизив голос:

— Это был крупный предприниматель. У него большая фабрика в Калифорнии. Там много неприятностей с красными. Они хотят захватить его фабрику. Этот джентльмен купил на 15 тысяч долларов вот этого оборудования! — Продавец показал на одну из витрин.

Я не мог понять, зачем владельцу фабрики, которую «собираются захватить коммунисты», понадобились фотографические принадлежности. Любопытство мое удвоилось, когда я взглянул на витрину. Там не было ничего, кроме аккуратно сделанных из белого металла ящичков.

— Что же это за штука? — спросил я.

— Это миниатюрные звукозаписывающие аппараты,— довольно усмехнулся торговец. — «Миджет» — так они называются. Записывают каждое ваше слово. Полностью оборудованы, работают от батареи. Вы можете незаметно носить их при себе. Например, в кожаной кобуре на боку. Тот джентльмен, владелец фабрики, задумал подсылать верных людей с «Миджетами» на собрания красных. Назавтра он будет дословно знать, что там говорилось, а записи будет пересылать куда следует.

Он взял меня за руку и подвел ближе к другой витрине.

— А это, обратите внимание, ручные часы. Не отличишь от обыкновенных, не правда ли? На самом деле это микрофон, к часам приделаны два провода. Вы включаете их в звукозаписывающий аппарат, что у вас на боку, и...

Он осторожно положил часы на место и покачал головой с видом беспредельного восхищения.

— А теперь взгляните на этот портфель, вон там, на полке. В нем все обычное. Только в замок вмонтирован микрофон, такой же, как в часах. Вы можете свой записывающий аппарат носить в этом портфеле.

Управляющий говорил уверенно и плавно: это, видимо, было для него привычным делом.

— Представьте себе, что вы беседуете с представителями фирмы, с которой ведете дела. Вы у них в конторе, обсуждаете с ними контракт. В самый решающий момент вы извиняетесь и просите позволения воспользоваться их уборной. И вот...— Он сделал паузу и поднял с хитрым видом брови. — Все, что они будут говорить в ваше отсутствие, уже записано! Вы откладываете окончание разговора на завтра, и все козыри у вас в руках.

Я задал ему наконец мучивший меня вопрос:

— Почему же магазин фотографических принадлежностей торгует всеми этими... предметами?

— Видите ли, — с готовностью объяснил он. — Мы всегда продавали звуковое оборудование для киносъемочных аппаратов. Но раз есть большой спрос и на такие вещицы от деловых людей, от детективов и разных государственных учреждений, почему бы нам не заняться и этими товарами? Они очень ходко идут.

— Мы живем в довольно странном мире, вы не находите? — спросил я.

Он весело подмигнул мне, потом утвердительно кивнул головой.

— Знаете, что я вам скажу? Это очень выгодный бизнес. И работать здесь неплохо. Босс у нас — славный малый, чертовски приятный человек.

Он наклонился к моему уху и прошептал:

— Только вот что: ты никогда не можешь знать: а вдруг босс и к тебе приладил какую-нибудь из этих штучек?..

* * *

Самое примечательное в этой истории было то, что все увиденное и услышанное как-то не показалось невероятным. Лет десять тому назад я, пожалуй, был бы ошеломлен, но в наши дни, когда над Соединенными Штатами все еще не рассеялся туман «холодной войны», эти утонченные формы шпионажа невольно кажутся чем-то естественным, нормальным. Шпионаж стал таким же явлением быта, как холодильники, кока-кола, небоскребы. Государственные деятели привыкли тратить добрую толику доверенных им средств на «расследования» и шпионаж.

Я лично, например, никак не могу быть уверенным, что мои телефонные разговоры не подслушиваются, а почта не вскрывается агентами ФБР, что в некоторых картотеках не отмечаются собрания, на которых я присутствую, речи, которые я произношу, статьи, которые выходят изпод моего пера.

В прошлом году я занимался изданием книги «Лжесвидетель», в которой Харвэй Матусоу рассказал о своей преступной деятельности в качестве платного подставного «эксперта» судебных органов. И за мной и за Матусоу была установлена неотступная слежка фэбээровских детективов. Число их иногда доходило до десятка. Я так и не понял, зачем их потребовалось так много.

Несколько месяцев тому назад я приехал в Детройт прочитать лекцию о книге Матусоу. Машина с двумя детективами все время дежурила у дома, где я выступал; не очень ловко запрятанный фотограф снимал из окна дома напротив всех приходивших на лекцию; и, наконец, как я узнал позднее, полицейский сыщик, присутствовавший в зале, полностью записал всю мою речь (должно быть, с помощью «Миджета»)...

Было бы неверно утверждать, что правительственный шпионаж направлен только — или в первую очередь — против тех граждан США, которые принадлежат к прогрессивному лагерю. Страна кишит специальными агентами ФБР, осведомителями всех сортов, усердно сующими нос в частную жизнь ученых и журналистов, солдат и врачей, профсоюзных деятелей и священников.

Шеф федерального бюро расследований Эдгар Гувер время от времени считает необходимым обращаться с призывами к населению. Он просит поставлять ему как можно больше доносчиков. В этом деле он даже отступает от расовой дискриминации: судя по его словам, все американцы, независимо от пола, цвета кожи и религии, одинаково пригодны для профессии шпиона.

В журнале Американской медицинской ассоциации Гувер писал буквально следующее: «Врачи Америки, как и прочие граждане, могут наилучшим образом помогать охране внутренней безопасности нации, сообщая ФБР о своих пациентах сведения любого характера, которые оказались бы в их распоряжении». А в журнале «Уомэн-дэй» он призывал «американских женщин» информировать руководимое им учреждение о всяких «подозрительных действиях» своих подруг и знакомых; при этом шеф ФБР заботливо предупреждал, что коммунистки «внешне... такие же люди, как все — как любая женщина из соседнего дома, как жена местного промышленника или мать маленького Бобби».

Впервые в истории Соединенных Штатов лжесвидетель поднят на пьедестал «национального героя». Показания известных лжесвидетелей, используемых в качестве «экспертов» в судах и на заседаниях комиссий Конгресса, печатаются крупным шрифтом на первых страницах газет по всей Америке — от берегов Атлантики до побережья Тихого океана. Их «показания» о всяческих «коммунистических заговорах» — от этих «показаний» волосы подчас встают дыбом у любого разумного человека — приводятся в речах политических деятелей, и ими обосновывается курс правительственной внешней и внутренней политики. За лжесвидетелей провозглашают тосты на банкетах, их выдвигают ораторами на публичных собраниях, в университетах, их воспевают за «американизм».

Разумеется, за свои услуги они получают немалую мзду от правительственных учреждений. Мистер С. А. Андетта, заместитель министра юстиции, недавно потребовал в финансовой комиссии палаты представителей Конгресса дополнительных ассигнований для оплаты профессиональных лжесвидетелей и информаторов. «Что касается свидетелей-экспертов, — сказал он, — то нам нередко приходится торговаться с ними и искать, кто возьмет подешевле... Дело со свидетелями обстоит прямо убийственно, если принять во внимание, в какие деньги обходятся эти люди...»

Законодательное собрание штата Нью-Йорк приняло так называемый закон Фейнберга — о «гарантировании лояльности школьных учителей». По поводу этого закона член федерального Верховного суда Уильям Дуглас сказал следующее:

«Закон этот неизбежно превращает школьную систему в систему шпионажа. Он требует, чтобы представлялись регулярные отчеты о лояльности учителей. Руководители школ становятся детективами; учащиеся, родители, община становятся информаторами. Все уши настораживаются на любой слух о нелояльности. То, что возникает на основе этого закона, типично для того, что происходит в полицейском государстве».

Надо сказать, что все большее число американцев высказывается против того, чтобы Соединенные Штаты были превращены в страну шпионов и доносчиков. Значительная часть печати, влиятельные церковные организации, известные и авторитетные американцы все решительнее осуждают практику использования платных лжесвидетелей. Ряд вынесенных в последнее время судебных решений остро критикует так называемую «программу безопасности», квалифицирует ее как «систему секретных информаторов, шептунов и сеятелей слухов»; некоторые меры федеральных органов, проводимые под знаком «безопасности», признаны в этих судебных решениях неконституционными.

По мере того, как на международной арене смягчается напряженность, становится все труднее убеждать американцев в том, что страна должна оставаться на «чрезвычайном положении» и что этого якобы требуют интересы «безопасности от красной угрозы». Все чаще американцы приходят к мысли, что такого рода «безопасность» похожа скорее на «безопасность» человека, посаженного за решетку.

Перевод с английского.

Нью-Йорк.

Я. ФОМЕНКО

Фото М. Редькина (ТАСС).

ГЛУБИНЫ И ОТМЕЛИ

Мы идем по главной улице районного села Икряное и обсуждаем маршрут предстоящей поездки. У нас большой выбор: десятки рыбацких колхозов, моторно-рыболовных станций, рыбокомбинаты и заводы, заповедники — все богатства волжской дельты и каспийского взморья. Перебираем одно название за другим и никак не можем остановиться на чем-нибудь определенном. Наконец мой спутник, корреспондент астраханской газеты «Волга» Иван Михайлович Зверев, решительно предлагает:

— Сбегаем на «Мартышку»! Увидите тоню в натуральном разрезе.

Иван Михайлович изъясняется, как заправский рыбак. Приходится поминутно пополнять скудный пока запас местных выражений. У рыбаков «сбегать» означает «сплавать». Вспомнилось, что так говорят и северные поморы. Тоня — место притонения неводов. Откуда «Мартышка» — мой собеседник не знает.

Баркас «Молодая гвардия» застрелял прозрачным дымком, и мы «побежали».

Глядя на воду, Иван Михайлович радует новым, необычным словечком:

— Подсвежка идет...

Внизу нет ничего примечательного, кроме мутновато-желтой воды. Это и есть подсвежка — пришедшая с верховий вешняя, свежая вода. С ее появлением в дельте Волги открывается путина. Нынче верховая вода запаздывает. Капризная весна — одно, а другое — плотина Куйбышевской ГЭС и растущее за нею новое море. Уровень воды в дельте на восемьдесят сантиметров ниже обычного. Об этом всюду разговор: на улицах Астрахани, в райкомах, на палубах «речного трамвая», в колхозах... Всюду один и тот же животрепещущий вопрос: как пойдет лов? Специалисты опасаются предсказывать, каким будет ход рыбы. А рыба уже пошла.

— Смотрите, мартыны нащупали косяк, открыли путину, — обращает внимание Зверев на стаи чаек.

Птицы одна за другой камнем падают на воду. Всплеск — и крылатые рыболовы взмывают вверх. В клювах солнечными зайчиками блестит серебряная чешуя рыб.

Время путины, а мы пока наблюдаем, как промышляют рыбу чайки-мартыны. Действительно, весна накуролесила нынче!

Сзади, над головой, что-то затрепетало, словно птица крыльями. Обернувшись, вместо птицы вижу загорелую руку, держащую древко белого флага. На руке татуировка: «Вова». Так зовут нашего капитана. Он «отмахивает» встречному буксиру, за которым тянется караван посудин мрачно-смоляной окраски.

— Первый улов тащит, — поясняет Зверев, кивая в сторону каравана рыбниц.

Где-то там, внизу, поближе к морю, уже берут добычу. Иван Михайлович предвещает близкую встречу с рыбаками. Она действительно вскоре происходит, эта встреча, но в несколько своеобразной обстановке.

Из рубки раздается раздраженный голос.

— Штрафануть бы их, дьяволов! — ругается капитан.— Хоть на берег выбрасывайся...

На нашем пути непроходимым препятствием протянулась кривая пунктирная линия неводных поплавков-балберов. Мы сталкиваемся с первым, невинным, как здесь считают, нарушением законов речного рыболовства. Нельзя перехватывать неводом больше двух третей ширины русла, а перед нами остается свободной едва ли седьмая часть протоки. Баркас идет впритирку к сетевой стенке. Нам грозят две неприятности. Первая — намотать на винт четырехсотметровый невод. Вторая — врезаться в мель. Что предпочесть из двух зол, трудно решить.

К счастью, все кончается благополучно. Обойдя дугу из балберов, капитан выруливает на глубину, вытирает вспотевший лоб и благодушно грозит кулаком в сторону лодки с девушкой-фонарщицей на веслах. Рыбачка отвечает задористым смехом.

Теперь мы уверенно «бежим», лавируя между неводами и приближаясь то к правому, то к левому берегу. Смотрим, как на песке иногда извиваются аршинные осетры. Вот рыбак-удачник, стоя на бударке, показывает красивую, отливающую перламутром рыбину. Это дорогая и очень редкая в последние годы добыча — белорыбица. Приспела ей пора идти на нерест, и она отправилась в далекое путешествие, за тысячи верст, в реку Белую, и в самом начале пути оказалась в вобельной сети, в «прилове».

Все чаще навстречу попадаются буксиры с прорезями и рыбницами. Все чаще над головами, поздравляя рыбаков с первым уловом, трепещет белый флаг в руке капитана. Чайки, отяжелев от обильного корма, кружат над рекой, выбирают место для отдыха. Но нет им, кажется, тихого пристанища. Всюду кипит работа. Со стороны она выглядит легкой и приятной, как воскресный выезд на рыбалку, а сколько в ней трудового напряжения!

— Скоро ли «Мартышка»? — справляюсь у Зверева.

Это Надя Тарасова и Нина Максимова — исполнительницы и авторы частушек на злобу дня.

Хорошо побеседовать у костра... Второй справа — Геннадий Иванович Супренков.

Он протягивает вперед руку. На отлогом берегу видны дома. У причала — баркасы, рыбницы. Снуют лодки-бударки. Еле различаются фигуры людей.

Минут через сорок выходим на берег. Из невода вычерпывают воблу. Нет конца-краю этой процедуре. Наполнена одна лодка, подходит вторая, а рыба еще кишмя-кишит в неводе.

— Это что! — недовольно говорит рыбак в фуражке военного образца, недавно, видимо, уволенный из армии.— Штук много, а весу мало. Мелкая воблочка.

Вот и напиши про богатый улов!

Другой рыбак не дает разочароваться, обнадеживающе говорит:

— Ничего, попозже подойдет крупная.

Недалеко от электролебедки стоит изрядно заржавевшая машина. Рыбак в фуражке с малиновым околышем с усмешкой машет рукой:

— Механизация наша...

Пожилой рыбак, с обветренным, будто продубленным лицом, добавляет:

— Горе наше! Смотреть не хочется.

Звеньевой Семен Кондратьевич Бухтояров приглашает нас в домобщежитие. Мы становимся жертвой рыбацкого гостеприимства, невольно повторяем бессмертный сюжет «Демьяновой ухи». Нас угощают рыбой, все время приговаривая:

— Наш обычай таков: объедков не оставлять!

За рыбой следует неизменный чай. Семен Кондратьевич напоминает про машину.

— Вы машиной интересовались. Неводонаборочная называется. Видали, наверно, вручную невод набираем. Привезли как-то эту машину. Нате вам, рыбаки, подарочек, облегчение. Оставили на берегу, а до ума не довели. На ней работать опасно: током бьет. Эмэрэсовцы объясняют: изоляция плоха. Вы же техники, инженеры, электрики! Возьмите и наладьте! Какое там! Вот так нас механизируют. Первейший вопрос, считаю. Государственного масштаба. Или вот вам пример. Механизированный пятной кол. Где он? В договоре колхоза с МРС значится. Посмотрите договор — там полная механизация.

Мы видали, как притоняют невод. Один его конец тянет электролебедка, а на другом конце рыбак, пятчик, втыкает в землю деревянный кол, наваливается на него, чтобы не упустить невод, потом перебегает с ним на новую точку, «пятится» к месту притонения.

— Ухекаешься с ним, с колом этим, — говорит Бухтояров. — На одном конце электричество, а на другом пятчик в силе с ним соревнуется. И вот что удивительно! Ездят к нам люди высоких должностей. Как путина, жди гостей. Из района — раз, из Астрахани — два, из министерства, из самой Москвы,— три. А то, бывает, соберутся все инстанции сразу — на берегу тесно. А машина все ржавеет и ржавеет. Хотя бы убрали, чтоб глаз не мозолила. На днях замминистра — Горюнов, что ли? — пробежал. Не знаем, может, тоже не заметил неводонаборочную?

Семен Кондратьевич смеется и подливает в стаканы каленого кипятку, хотя нас и так пот прошибает.

На прощание звеньевой еще раз говорит:

— Первейший вопрос — наши эмэрэсы! Что-то тут не так, я считаю.

...Подплываем к другой тоне — «Нижне-Пионерской». Слышатся высокие девичьи голоса. Набирая невод, рыбачки поют:

Нам работать трудновато
Без наборочных машин,
А товарищ наш Завьялов
Не заботится о них.

С рифмой не все ладно, но слушатели каждый куплет сопровождают дружным смехом. Александр Михайлович Завьялов, бригадир, о котором поют девушки, смущенно улыбается:

— Что я могу поделать? Скандалил с эмэрэсовцами.

И тут та же неводонаборочная машина! И тут те же упреки в адрес МРС! Не случайно, видно, одно и то же волнует и старого рыбака с «Мартышки» и молодых рыбачек из колхоза «Красный моряк» Надю Тарасову и Нину Максимову — авторов частушек на злобу дня.

Подобно МТС в сельском хозяйстве, МРС — моторо-рыболовные станции — призваны на договорных началах обслуживать производственные нужды рыбацких артелей, снабжать их орудиями лова и новейшей рыбопромысловой техникой. Естественно, что состояние МРС тревожит колхозников.

...Под вечер мы заходим в правление колхоза «Красный моряк». Геннадий Иванович Супренков, председатель, крайне удивлен:

— Каким ветром вас затянуло? Наше Седлистое все объезжают. Боятся от воды оторваться.

Рыбацкое село Седлистое расположено в стороне от главного русла Волги. Мы прошли туда пешком, не подозревая, что совершаем достойный удивления поступок. Нам хотелось посмотреть «средний» колхоз.

О Седлистом редко вспоминают, когда надо привести особенно яркие факты — будь то хорошие, будь то плохие. Звонкой славы нет у здешнего колхоза, хотя он аккуратно перевыполняет планы.

— Мы на отшибе сидим, — говорят в Седлистом, — не то, что соседи-рекордисты из Зюзина. О них, не переставая, во все дудки дудят. И в списках оштрафованных браконьеров они впереди, а мы позади. Что поделаешь? Мы не любим с рыбоохраной встречаться, а у соседушек есть искусники и на доске почета покрасоваться и с инспекторами за ручку здороваться.

Побывать в Зюзине не удалось, чтобы познакомиться с «искусниками». Однако еще в Астрахани нам говорили, что в колхозах завелись «почетные браконьеры». Они перевыполняют план за счет облова запретных зон и действуют так тонко, что числятся и в списках обловщиков и на досках почета. Седлистое и тут составляет исключение.

Как ни заманчива тема браконьерства, но нас больше привлекли МРС — «первейший вопрос», по мнению Семена Кондратьевича Бухтоярова.

...Геннадий Иванович приглашает посмотреть хозяйство. Есть в колхозе сад на восемьсот деревьев, фермы, огороды, посевы кукурузы. Но вот беда! Беспризорно сельское хозяйство в рыбацких колхозах. Приобрел какими-то путями колхоз трактор «Беларусь», а цеплять к нему нечего. Точно из архива, из склада утиля выкапываются конные плуги... МРС не обслуживают сельское хозяйство рыбацких артелей, а МТС тут нет.

Проходим по берегу Гаванной протоки. У приемки шум, крики. Становимся свидетелями очередного недоразумения. Окруженный рыбаками приемщик кричит:

— Не возьму «незаконник»!

— Меряй правильно! Какой «незаконник»? Не верим твоим палочкам! Вобла обрезная! Одиннадцать ровно!

Сыр-бор разгорелся из-за одного миллиметра. Воблу меньше одиннадцати сантиметров принимать не положено. И ловить нельзя. Это «незаконник». Но... меряют рыбаки — одиннадцать! Меряет приемщик — не хватает одной линии на палочке. У приемщика целая охапка таких палочек. Для всех пород рыб. Химическим карандашом на палочки нанесены деления. Действительно, трудно поверить, что такой «инструмент» точен до одного миллиметра. А почему, если нужна такая точность, не снабдить приемщиков стандартными линейками с клеймом Палаты мер и измерительных приборов? Легко представить, что случилось бы, если бы продавцы в магазинах тканей измеряли штапель и ситец самодельными «палочками».

А разве только «палочки» здесь в ходу? Существует два метода измерения. Мелкую воблу измеряют «от середины глаза до нижнего пера», а крупную — от «рыла до хвоста». Нужны ли два способа измерения? Кого ни спросишь из специалистов, никто не может вразумительно ответить, к чему такая премудрость. А рыбаки говорят:

— Раньше был один способ: глаз — нижнее перо. Теперь два. Мы и думаем: нет ли тут хитрости? Вобла измельчала — давайте измерять ее от рыла. Все-таки цифра побольше. Все-таки хоть видимость бóльшего размера рыбы. Кого же мы обманываем? От этого в весе вобла не прибавится!

По дороге в рыболовецкие бригады Геннадий Иванович делится своими наблюдениями:

— Служил я в бомбардировочной авиации. Сам я летчик. Сложная техника, правда? Но изучишь — все ясно, все точно. А тут чем глубже вникаешь, тем больше ребусов. Скоро три года, как я председателем, и никак не пойму вот такой тонкости. Поймали вы в море леща на два килограмма — вам платят за него два рубля. Поймали точно такого леща в реке — получите рубль двадцать. Слушайте, что дальше получается. Идет по реке караван с моря. Рыбаки-бударочники уже поджидают его. Зачем сдавать рыбу по речной цене, когда есть морская? И речному рыбаку выгодно дороже сдать в приемке: сверхплановый улов! По сводке выходит: в море рыбы много, в реке — мало. Не сводка, а кривое зеркало. Главное — людей соблазняем обходить инструкции, хитрить. Не пойму: зачем две цены? Хорошо, что мы на отшибе, — шутит он в заключение. — Меньше соблазнов.

У берега стоит мотоневодник, а на его рабочей площадке высокий, стройный, похожий в своих резиновых ботфортах на героя из «Трех мушкетеров» рыбак. Супренков кричит ему:

— Как дела?

Рыбак, словно аплодируя кому-то, пять раз хлопает ладонями над головой.

— Пятьдесят центнеров! — говорит Супренков.— Это бывший наш штрафник Михайлов. Снял его как-то ни за что, ни про что директор МРС. До области дело дошло.

Михайлов ловко прыгает на песок и, узнав, откуда мы, весело спрашивает:

— На штрафного приехали посмотреть? Весь тут... Перед вами.

От всей его фигуры веет мужеством, силой.

— И сейчас еще зовут так? — спросил Супренков.

— И сейчас величают, — отвечает Михайлов. — Видно, останется за мной такой титул. Да... Пустяшное дело, а след остался. Технику не так использовал, подвез кровать одному рыбаку — и посыпались громы и молнии. Все же мы с Геннадием Ивановичем добились правды, что ни говорите. Ее приказом не убьешь.

Спрашиваем про мотоневодник:

— Оправдала себя посудина?

— Еще как! — ответил Михайлов. — Побольше бы такой механизации! Ни весел тебе, ни паруса. Всех бы бударочников на них пересадить. А то кто такие бударочники? Те же единоличники, хотя их и двое на лодке. А тут коллектив все же, семь — восемь человек. Хорошая посудина! Дать бы ей крепление потверже — смело в море можно бегать. Ходим и так, однако чуть моряна задышит — беги, где спокойнее. А на реке — милое дело.

Жалобы принимаете? — неожиданно обратился он к нам. — Насчет «незаконника»? Ловим мы, к примеру, пузанка. Снасть — сбруя, по-нашему, — законная. И вваливается нам беляк-подлещик, а то берш, вроде судачка-подросточка. Что делать? Рыба не виновата, что не знает наших законов, и мы ее не приглашали. Тоже не виноваты. А ее не принимают. Вываливаем обратно в море. Рыба уже уснула. И вот поверите: целыми мостами, как мы говорим, плавает дохлая рыба по морю. Говорят: сохраняйте молодь. Разве так сохранишь? И морю вред, и людям нет пользы. А рыба замечательная, вкусная... По-моему, так: поймал рыбу законным орудием лова — принимай. А молодь сохранить? Увеличить в сетях глаз, ячею то есть. Как там Куйбышевское море, не слыхали? Заполняется? Про Каспий надо думать. Мелеет. Ну, извините. Некогда.

Он попрощался и зашагал к мотоневоднику, прямой и твердый в походке.

Вскоре покинул меня и Иван Михайлович Зверев. Отправился передавать материал в редакцию.

В Икряное я возвращался один. Времени было достаточно, чтобы обдумать услышанное и увиденное. Трудолюбивый, сметливый и хороший народ — астраханские рыбаки! Насколько больше они сделали бы, будь поменьше любителей крючкотворства, всяческих премудростей и благоглупостей!

— И не говорите! — согласился со мной старый рыбак, ехавший хлопотать о пенсии.

О многом мы с ним переговорили за дорогу. Старик всю жизнь рыбачил на той самой «Мартышке», где мы накануне побывали. Как бы подводя итог беседе, он сказал на прощание:

— Здорово нам эта самая бюрократизма мешает. Столько богатства из-за нее гибнет!

Старейшие колхозники сельхозартели имени Молотова, Черкасской области, Украинской ССР, Иван Дмитриевич Гребенюк, его жена Агафья Андреевна и Григорий Васильевич Волошин (слева). С первых дней коллективизации трудятся они в колхозе. Ныне эти ветераны получают от колхоза пенсию.

Фото Г. Зельма.

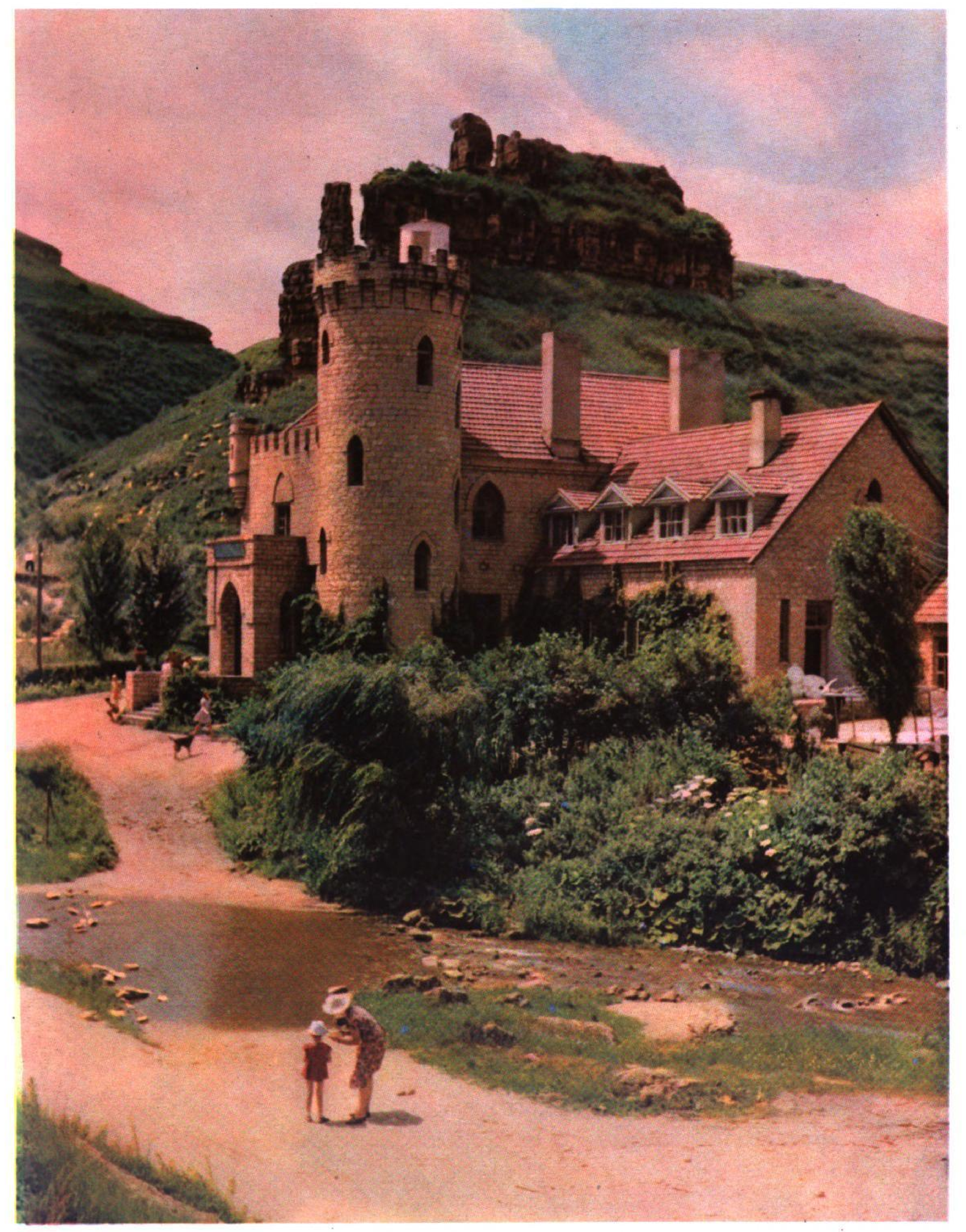
Перед грозой.

Фото Л. Зиверта.

Ленинград. Вид на Адмиралтейство и Исаакиевский собор с крыши Зимнего дворца.

Фото Р. Мазелева.

Кисловодск. «Замок Коварства и любви». Пансионат.

Фото Л. Бордукова.

«Гибель эскадры» А. Корнейчука. Сцена из 2-го акта. Постановка киевского Русского драматического театра имени Леси Украинки.

«Мораль пани Дульской» Г. Запольской. Сцена из спектакля.

СНОВА В МОСКВЕ

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ,
режиссер театра имени Ермоловой

Фото Н. Козловского.

На гостеприимной сцене Малого театра начинают свои спектакли гости из Киева; москвичи снова увидят спектакли полюбившегося им по прежним гастролям Русского драматического театра имени Леси Украинки. Театр привозит в Москву почти весь свой репертуар, достаточно полно знакомящий зрителей с достижениями его интереснейших актеров и режиссеров.

Кому из любителей театра не известно имя народного артиста СССР Михаила Романова, главного режиссера театра имени Леси Украинки и одного из лучших актеров страны! Все, кто видел М. Романова в роли Феди Протасова в «Живом трупе», навсегда сохранят в своей памяти этот трагический и прекрасный в своей человечности образ честного русского человека, который не захотел жить в мире окружающей его лжи. Москва помнит и другого Протасова в репертуаре Романова — Павла Протасова, трагикомического героя горьковской пьесы «Дети солнца», ослепленного идеей «чистой науки» ученого, чью судьбу все так же мягко и человечно воплощал на сцене этот умный актер, не оставляющий вместе с тем у зрителя никаких сомнений относительно огромной, непростительной вины своего героя, забывающего об интересах и нуждах народа.

Какие новые работы покажет на этот раз москвичам М. Романов? Весной этого года мне довелось побывать в Киеве и посмотреть несколько новых спектаклей театра имени Леси Украинки. В «Деньгах» А. Софронова, спектакле, весьма интересно поставленном М. Романовым, в котором сам он исполняет роль председателя колхоза коммуниста Андрея Татарникова, я познакомился с рядом замечательных мастеров киевской сцены. Ю. Лавров, Д. Франько, Е. Опалова, В. Халатов, О. Смирнова, А. Николаева — мастерство этих актеров еще раз убедило меня в том, какая сильная труппа в этом театре.

Театр имени Леси Украинки, идя дорогой глубокого сценического реализма, дает широкий простор своим режиссерам в их поисках новых форм выразительности на сцене.

В этом убеждает талантливая работа режиссера Л. Варпаховского над трагикомедией польской писательницы Габриели Запольской «Мораль пани Дульской».

Едва вы входите в зрительный зал, как сразу же, еще до начала спектакля, окунаетесь в ту атмосферу, в которую вас хочет ввести режиссер. На просцениуме не скрываемая занавесом безвкусная и крикливая по убранству гостиная хозяйки меблированных комнат пани Дульской. Здесь царствуют вещи — огромный цветастый диван, пальма, зеркала. Таков мещанский дом, каких было немало в старой панской Польше,— «дом, где разбиваются сердца».

Гаснет свет, и на сцену в ночном одеянии со свечой в руках выходит хозяйка дома, сама пани Дульская, которую с подлинным блеском играет актриса Е. Опалова. Как опытный и уверенный капитан, ведет она свой семейный корабль по волнам житейского моря, бдительно следя за тем, чтобы ничто не нарушало заведенного на «палубе» порядка: чтобы Ганка во-время затопила печи, чтобы пан Дульский не стащил из буфета лишнего, чтобы ее девочки во-время сели за рояль, чтобы жильцы в срок уплатили деньги. А главное, чтобы ничто порочащее «честь» Дульских не выходило за пределы ее дома и не запятнало бы «морали» пани Дульской. Страшный в своем лицемерии и ханжестве сатирический портрет Дульской — одно из значительнейших достижений спектакля.

Прекрасную пару со своей женой составляет пан Дульский — В. Халатов. У него в роли всего одна фраза (жена давно уже отучила его высказываться), но как красноречива она! Дульскому не с кем разговаривать в своем доме, он давно уже примирился с потерей былой «независимости». Теперь его единственная отрада — утаить от жены несколько злотых, тщательно «отутюжить» усы да кутнуть с приятелями. Жалкая и смешная фигура!

В этом же спектакле мы познакомились с молодой одаренной актрисой В. Предаевич. До этого я видел ее в роли Джульетты. Ряд сцен был сыгран без каких бы то ни было скидок на молодость, в подлинном масштабе этой труднейшей шекспировской роли. И вот В. Предаевич — Хеся Дульская: изящная, порочная, лукавая, жестокая и злая — истинная дочь своей «ясновельможной» матушки. С большим интересом ждет зритель новых работ этой актрисы.

Спектакль «Мораль пани Дульской» отличается не только свежестью и остротой режиссерского замысла, но и удивительной слаженностью актерского исполнения. Я мог бы назвать Г. Будылину — Мелю, чей чистый и трогательный образ маленькой девочки с большим сердцем надолго запомнится зрителям. Следовало бы подробно рассказать о небольшой, но глубоко понятой и хорошо сыгранной роли квартирантки (артистка Т. Семичева), об умном решении артисткой М. Швидлер образа «обольстительной хищницы» мадам Юльясевичовой, о драматической судьбе прислуги Ганки, правдиво воплощенной на сцене артисткой А. Литвиновой, но все равно не перечислишь всех одаренных людей этого сильного театра. Подождем встречи с его новыми спектаклями! Очень интересно будет увидеть эти работы режиссеров М. Романова и Л. Варпаховского, увидеть, как режиссер В. Нелли поставил «Гибель эскадры» А. Корнейчука, узнать, как удалась «Ложь на длинных ногах» Эдуардо де Филиппо одаренному молодому режиссеру И. Молостовой, как раскрылись в этих спектаклях полюбившиеся нам актеры.

К нам прибыли наши друзья, и мы радостно приветствуем их, желая им самого большого успеха в Москве.

«Ложь на длинных ногах» Эдуардо де Филиппо. Грациэлла — заслуженная артистка УССР А. Пекарская. Либеро — заслуженный артист УССР М. Розин.

Для нашего быта

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото А. Гостева и Е. Тиханова.

В пригласительном билете было сказано:

«Всесоюзная торговая палата, Главхозторг Министерства торговли СССР и редакция журнала «Огонек» приглашают Вас на совещание, посвященное вопросу о бытовых машинах и приборах, облегчающих труд женщины».

В зале Дома культуры «Правды» собрались представители министерств, на чьих заводах производят холодильники, стиральные и швейные машины, пылесосы и полотеры; работники промкооперации, чьи артели выпускают на рынок бытовые приборы; заводские работники, конструкторы и инженеры. Были здесь и директора магазинов и научные работники. Активно участвовали в совещании главные потребители, а следовательно, и ценители всех этих машин и приборов — женщины: домашние хозяйки, работницы, служащие, инженеры. Заводы Мурома, Ржева, Подольска прислали своих работников, Ленинград был представлен единственным в стране магазином новинок.

Но прежде чем пришли участники совещания, в зал прибыли машины и приборы, о которых шел разговор. Их доставили из павильона образцов лучших товаров широкого потребления Всесоюзной торговой палаты. Они заняли добрую половину большой сцены, протянувшись от одного ее конца до другого.

С интересом, а иной раз и с завистью все рассматривали эти поблескивавшие эмалью и никелем прекрасные машины. И сколько раздавалось вздохов по поводу того, что существуют они в большинстве своем только в образцах, а купить их в магазинах и трудно и дорого!

Но мы забегаем вперед. Приступим к разговору.

МЕХАНИЗИРОВАТЬ ДОМАШНИЙ ТРУД

— Нет нужды доказывать, как важно механизировать домашний труд, — так начал свое сообщение начальник Главхозторга Министерства торговли СССР М. С. Беспалов. — Известно, что Владимир Ильич Ленин считал мелкое домашнее хозяйство, приковывающее женщину к кухне и к детской, «работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею». На XX съезде КПСС говорилось о необходимости увеличивать производство машин и изделий, облегчающих труд в домашнем хозяйстве.

Производство домашних машин, не считая швейных, — пожалуй, самая молодая отрасль советской промышленности. Что же касается холодильников, то в 1950 году их было выпущено только тысяча штук, в то время как, скажем, в США — около 6 миллионов. Стиральные машины у нас стали производить только в 1951 году, а пылесосы — в 1952-м.

Срок небольшой, но некоторые успехи уже достигнуты.

Если в пятой пятилетке потребитель получил немногим больше 5 миллионов швейных машин, то в шестой пятилетке будет продано их свыше 15 миллионов. Помимо подольских швейных машин, поступят в продажу харьковские, ржевские, а затем и тульские. Родина прославленных оружейников — Тула — даст стране новый вид мирной продукции: первоклассные швейные машины.

Сейчас население нашей страны имеет 15—16 миллионов швейных машин. Это значит, что на четыре семьи приходится одна машина. За шестую пятилетку количество этих машин удвоится.

Такой же резкий скачок произойдет и по другим бытовым машинам. Выпуск холодильников возрастет в нынешнем году до 270 тысяч штук, а в 1960 году превысит 635 тысяч. Это же относится и к стиральным машинам, выпуск которых запроектирован в 1956 году в 303 тысячи штук, а в 1960 году — 528 тысяч.

Большим спросом пользуются у населения пылесосы. Это действительно очень полезные в хозяйстве машины. Новый пятилетний план предусматривает увеличение их производства почти в четыре раза против 1955 года.

Сейчас осваиваются другие машины и приборы: комбинированная кухонная машина, несколько видов картофелечисток и ряд приспособлений, значительно облегчающих домашний труд.

Вот, пожалуй, и все, что можно сказать хорошего об этой области. Несравненно больше и резче нужно говорить о недостатках в производстве бытовых машин. Многие из них по своим техническим и эксплуатационным качествам уступают подобным же машинам некоторых иностранных фирм.

Возьмем, например, Подольский механический завод, выпускающий швейные машины. Этот завод располагает хорошим оборудованием, отличными кадрами, имеет богатый опыт, сложившийся на протяжении многих десятилетий. Однако он выпускает такие же машины, как и... пятьдесят лет назад.

Только в этом году Подольский завод разработал наконец конструкцию новой машины, которая много лучше теперешней, но еще отстает от последних достижений в этой отрасли промышленности.

— Нам непонятно, — продолжал тов. Беспалов, — почему руководители Министерства машиностроения СССР так беспечно и безответственно относятся к конструированию и внедрению в производство современных швейных машин.

В этот момент в зале раздался шум и послышались возмущенные голоса. Хотелось бы, чтоб эти голоса достигли кабинета министра Н. Н. Смелякова.

— Много недостатков имеют наши холодильники. Так, на холодильник «Саратов» расходуется металла и других материалов почти в два с половиной раза больше, чем на некоторые заграничные, и в два с лишним раза больше потребляет он электроэнергии.

Почему это происходит? Не потому, что советская промышленность не в состоянии освоить производство совершенных, бытовых машин. Беда в том, что конструированием их в министерствах никто не занимается. Проходят годы, пока внедряется новая модель машины, а за это время она уже устаревает.

Почти такое же положение и со стиральными машинами. Даже последние, в основном хорошие стиральные машины, которые скоро увидит потребитель,— «Тула» и «Урал» — имеют недостатки. В большинстве их нет механического отжима белья, и хозяйке приходится вертеть ручку. Между тем известны машины, которые автоматически, без применения мускульной силы, сами стирают, прополаскивают и отжимают белье.

Серьезные претензии предъявляет советский потребитель и к качеству пылесосов. Миасский завод Министерства электротехнической промышленности СССР выпускает ручные пылесосы, громоздкие, тяжелые, шумящие при работе и при этом недолговечные. У нас, по существу, нет портативных, недорогих и удобных в эксплуатации пылесосов. Популярностью пользуются пылесосы «Вихрь» и «Уралец», но промышленность выпускает их явно недостаточно.

Вся аудитория одобрительно реагировала на слова тов. Беспалова:

— Машины и приборы должны быть высокого качества, а по цене доступны массовому потребителю! Это особенно важно сейчас, когда они становятся товарами массового потребления.

Какой же можно сделать вывод из сказанного? — спрашивает тов. Беспалов и отвечает: — В ряде промышленных министерств необходимо создать конструкторские бюро или институты с производственной базой для разработки новых, совершенных, дешевых и удобных в эксплуатации домашних машин и приборов.

ДВА ВОПРОСА

Женщины вправе обратиться к министру электротехнической промышленности СССР И. Т. Скидаренко и министру авиационной промышленности СССР П. В. Дементьеву с вопросами:

КОГДА министерства, чьи заводы производят основную массу домашних машин и приборов, начнуть проявлять заботу о советском потребителе?

КОГДА заводы этих министерств, занятые производством бытовых машин и приборов, перестанут плестись в хвосте заграничной техники и дадут дешевые, хорошие машины?

ОТ ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ ДО ТОРГОВОЙ ПАЛАТКИ

Красавицы-машины и приборы, ласкающие глаз тщательностью отделки и изяществом линий, привезены из Торговой палаты.

Они выстроились в ряд, словно на параде, и знакомство с ними происходило по очереди.

Представитель Всесоюзной торговой палаты И. И. Гордеев демонстрировал один прибор за другим: вот так они выжимают

сок, так чистят картошку, шинкуют овощи, разрезают хлеб. А потом очищенная картошка, шинкованные овощи, ломтики хлеба шли по рядам от одного к другому.

— Что-то не видали мы этого в магазинах! — послышалась реплика.

— Передайте их из Торговой палаты в торговую палатку!

— Торговая палата, — говорил тов. Гордеев, — стремится к тому, чтобы новейшие образцы товаров включались в производство, чтобы организовали их массовый выпуск. В прошлом году было утверждено к производству около 1 600 такого рода изделий.

Но обычно промышленность довольно неохотно встречает наши предложения. Появляется множество препятствий: то нет сырья, то нет оборудования... Артели рассуждают так: мороки с этими новинками много, забот не оберешься...

И в качестве примера тов. Гордеев демонстрирует картофелечистку со шлангом. Напором воды из водопровода приводится в движение нижний круг, и с картофеля легко снимается кожица. Министерство химической промышленности сослалось на то, что для этого прибора нужно изготовить особый сорт пластмассы. Пришлось обратиться в правительство, и оно обязало сделать такую картофелечистку, которая освободит женщин, а может быть, и кое-кого из мужчин от неприятной работы.

Вот еще прибор для варки овощей на пару. Вот прибор для гарнира. Их сложно изготовить? Нет!

— У нас нередко бывает так: товар появится, а потом исчезает. Так случилось и с прибором для поджаривания хлеба. Сейчас промышленность его не выпускает. Спрашивается, почему? Видимо, потому, что он должен быть красив и должен хорошо жарить. А это сделать трудно. (В зале смех.)

Есть еще такой прибор — скороварка. Собственно говоря, это герметически закупоренная кастрюля. В ней самое жесткое мясо скоро становится мягким. За 15 минут можно приготовить любое блюдо. Из такой кастрюли ничего не испаряется, все витамины остаются в пище.

Возглас из зала: — Об этом писали еще три года назад!

— Да, тогда скороварка появилась, а потом опять исчезла.

Возглас из зала: — Не скоро скороварка делается!..

СКОЛЬКО РАЗ МЕНЯ ГОНЯЛИ С МЕСТА НА МЕСТО!

Этими словами, в которых звучала горечь незаслуженной обиды, закончил свое выступление доцент Московского инженерно-строительного института имени Куйбышева Д. С. Чукаев. И аудитория всячески выражала ему сочувствие...

Ученый привел поучительные цифры.

Ручная стирка требует 50 минут тяжелого труда на один килограмм белья. Электрическая машина затрачивает примерно 13—14 минут механизированного труда. А автоматическая стиральная машина — всего полторы минуты!

— Исследовательская работа показывает, что сейчас в семье из пяти человек хозяйке нужно тратить ежедневно по восемь часов, чтобы поддерживать на высоком уровне обслуживание семьи.

Возглас из зала: — Больше! Больше!

— А если мы электрифицируем труд домашней хозяйки, у нее уйдет на всю эту работу только три — четыре часа. Сколько времени освобождается для полезной производственной или общественной работы, для отдыха!

Наша промышленность не имеет специализированных заводов, которые занимались бы выпуском бытовых машин. В Москве есть десятки артелей и заводов, занятых этим важным делом, но нет ни одной лаборатории, где велась бы исследовательская работа.

Поразительно, что в нашей громадной стране совершенно нет научных работ в области электрификации быта. Правда, в Академии коммунального хозяйства трижды открывалась лаборатория электрификации быта, но сейчас этой лаборатории не существует. Есть она только в Ленинграде. При таком положении мы не сдвинемся с места. Сотни электроприборов, призванные облегчить быт человека, должны производиться в массовом количестве, а у нас нет ни специальных факультетов в институтах, ни специальных журналов, ни даже литературы по этим вопросам.

В области электрификации быта я работаю с 1929 года, — сказал в заключение тов. Чукаев. — Сколько раз меня гоняли с места на место! И я вынужден был уйти в другую отрасль народного хозяйства, а бытовыми машинами и приборами занимаюсь только из любви к этому делу.

МЫ ЖДЕМ ПОДАРКА...

Писательница Варвара Андреевна Карбовская предупредила в начале своего выступления, что она любит получать пригласительные билеты, но приглашение на это собрание ее... огорчило.

— В приглашении говорится, что речь идет о бытовых машинах и приборах, облегчающих труд женщины. Я хочу обратить ваше внимание на слово «женщины». Другими словами, женщина стирала, стирает и будет стирать. Женщина мыла полы, моет и будет мыть... А вот если бы мужчины подумали, что всякие новшества облегчают и их быт, вероятно, дело пошло бы успешнее!..

Выступавшие рассказывали, как для того, чтобы пустить в производство картофелечистку, нужно было обратиться в правительство. Почему? Куда это годится? Неужели работники промышленности и торговли не могут сами решить такой вопрос?

Кто-то сказал здесь: «Освоение новой машины вызывает колоссальные трудности». Слово «колоссальные» не вяжется с картофелечисткой...

Нам показали много хороших машин и приборов. Каждая женщина хотела бы получить их в по-

Рисунки Ю. Федорова.

Здесь любое блюдо варится 15 минут,

А здесь скороварка „варится" 3 года...

дарок. Я подчеркиваю слово «подарок», потому что цены на них очень высоки. А машины нужны главным образом многосемейным, у которых и без того расходов много. Не едиными машинами счастлив человек!

Настоящим подарком для нас,— говорит в заключение В. Карбовская,— было бы, если б руководители организаций и предприятий обеспечили выпуск бытовых изделий побольше, получше и подешевле!

ЛЕНИНГРАДСКИЕ НОВИНКИ

Существует магазин новинок в Ленинграде уже семь лет, и это все еще единственный такой магазин на всю страну.

О работе его рассказал заместитель директора магазина Я. Л. Загянский. Он привез с собой последнюю ленинградскую новинку — вибрационный стиральный прибор, выпущенный всего несколько недель назад. Помещенный в бак, он стирает белье. Стирка занимает 20—30 минут. Стóит она около двух копеек. Вибратор не отжимает и не полощет белья.

Голос из зала: Какой вольтаж?

— Сто двадцать семь вольт. Однако промышленность выпускает этих приборов очень мало, и, чтобы достать их, нужно обладать особым счастьем. Последнюю партию в 150 экземпляров мы продали за полтора часа. Между тем прибор несложный, он по плечу многим заводам, и не только в Ленинграде.

Вот еще одна ленинградская новинка: щетка-пылесос, выпущенная заводом местной промышленности города. Она чистит одежду, ковры, портьеры.

Голос из зала: — Сколько она стоит?

— Щетка-пылесос стоит 135 рублей.

Голос из зала: — Дороговато...

— Да, покупатели жалуются, что приборы, облегчающие труд, отягощают бюджет. Это тоже должны учесть производители.

МОЯ КОЛЛЕКЦИЯ КАРТОФЕЛЕЧИСТОК

Несколько небольших, но интересных фактов рассказала домашняя хозяйка Х. М. Лукьянова:

— У меня целая коллекция картофелечисток, а пользуюсь я обычным ножом. Картофелечистки оказались плохого качества.

Мой сосед купил холодильник «Саратов», но не решается включать его из-за шума.

Хороший сосед, хочется добавить нам. Не всякий пойдет на такую жертву. А, действительно, почему так шумят холодильники «Саратов»? Что скажут его конструкторы и производители?

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДОМАШНЕЙ ХОЗЯЙКИ Т. ТИХОМИРОВОЙ

— Вопросы быта — серьезные вопросы. Машины нам помогают. Но они нам и мешают. Представьте себе такую картину: в общей квартире включен пылесос, загудел полотер. Ведь это мешает другим соседям.

А если еще работает и стиральная машина, которая тоже «подает голос»? Придется менять режим дня из-за машин и приборов. (В зале смех.)

Может быть, стоит практиковать такую систему: домоуправление закупает несколько стиральных машин на весь дом. (Возгласы одобрения.) При строительстве новых домов надо обязательно проектировать помещение для

-ШУМИМ, БРАТЦЫ, ШУМИМ!..

общей прачечной, где будут стоять стиральные машины. Все жильцы дома по расписанию смогут пользоваться ими. И в старых домах почти всегда можно разыскать помещение. И пылесосы и полотеры могут быть коллективными. Мы все мечтаем об этом. Нужно подумать о более мощных машинах, обслуживающих весь дом.

Возглас из зала: — Правильно!

РЖЕВ ДАЕТ НОВУЮ МАШИНУ

Участники совещания были одними из первых увидевших эту красивую и удобную швейную машину в изящном чемоданчике.

Ржевская электрическая швейная машина очень удобна в работе и может выполнять ряд функций. Когда представитель завода Д. Л. Авербах демонстрировал ее

достоинства, в зале царило оживление.

— Сколько будет выпущено машин? — спросил кто-то из зала.

— В этом году — 12 тысяч. По одной тысяче в месяц.

— Мало!

— В 1957 году завод выпустит 50 тысяч таких машин.

ОТЧЕГО НЕРВНИЧАЕТ ПОКУПАТЕЛЬ

Директор Мосхозторга Г. С. Ермаков признает свою вину:

— Торговых работников обвиняют, что они плохо торгуют. Этот грех имеется у нас. Но к нему прибавляется косность работников промышленности, которая и заставляет нервничать покупателей.

Многое из того, что здесь показано,— копеечные вещи. Если обеспечить артели сырьем, они могут дать нам их без особого труда. Но ссылаются на «плохую техническую базу» и в итоге кустарничают, выпускают мало продукции. Вот почему у нас не хватает порой самых простых вещей. Взять хотя бы вибрационный стиральный прибор. Разве нельзя было сделать его в достаточном количестве, чтобы покупатель не гонялся за ним? Конечно, можно!

Надо беспощадно критиковать тех работников промышленности, по вине которых какая-то мелочь, нужная в хозяйстве, становится проблемой.

Мы, к сожалению, больше демонстрируем

образцы, чем делаем бытовые приборы.

ЧТО ВИДНО ИЗ-ЗА ПРИЛАВКА

— Очень часто мы слышим обидные слова от покупателей: они обвиняют нас в том, что мы якобы не реагируем на их спрос.

И заведующий посудо-хозяйственным отделом ГУМа А. А. Куникеев привел такой пример. Артель «Автоштамп» должна изготовлять обыкновенные картофелечистки, но не изготовляет, ссылаясь на отсутствие нержавеющей стали. Многие хозяйки спрашивают простой тарелкосушитель. В нем нет ничего сложного, но артель «Промгвоздь» сняла его с производства, объясняя это отсутствием... проволоки.

— Из-за прилавка многое видно. Так, наши стиральные машины, холодильники, пылесосы рассчитаны только на один вольтаж. А в Москве многие дома переводят со 127 вольт на 220. А разве промышленность не может выпускать эти машины с переключением вольтажа? Это даст возможность покупателям без дополнительных расходов пользоваться машинами и приборами не только в Москве, но и, скажем, на даче.

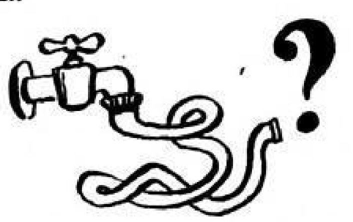
ШЕСТЬ «ПОЧЕМУ»

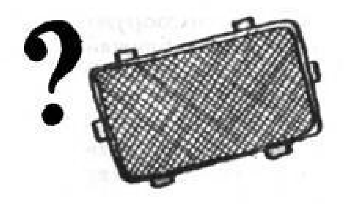
ДОМАШНЕЙ ХОЗЯЙКИ М. БЕЛЯЕВОЙ

Почему нет в продаже простых, но удобных щеток для мытья посуды?

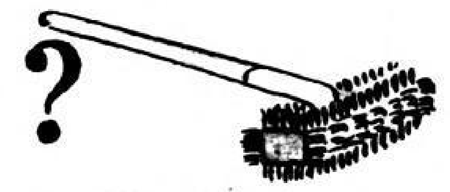
Почему не улучшить наши в общем неплохие стиральные машины: провести шланг к водопроводу и заглушить шум при работе?

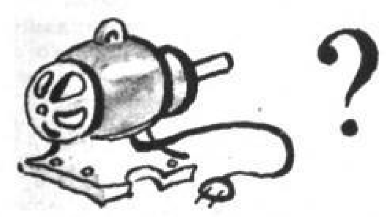
Почему не сделать стандартные сетки на форточки, чтобы через них в квартиры не проникала пыль?

Почему нет в продаже прочных резиновых перчаток для грязной домашней работы, не таких, которые продаются в аптеках, а по-настоящему прочных?

Почему не сделать пылесос с четырехсторонней щеткой, чтобы он втягивал пыль с четырех сторон?

Почему не изготовляется переносный мотор — один для всех бытовых машин: пылесоса, стиральной машины, полотера? Разве это не удешевит их?

В ЗАЛЕ ШУМ...

Это случилось, когда выступил представитель Министерства электротехнической промышленности инженер Г. К. Иванов.

Напрасно пытался он как-то оправдать невнимание министерства к выпуску бытовых машин — только попал в смешное положение.

Вот выдержки из его выступления:

— Выпускать всякие изделия — это не такое уж простое дело. Сложность производства порождает высокую стоимость изделий.

В зале поднялся шум.

— Для того, чтобы снизить цены на машины и приборы, нужно увеличить их выпуск.

Шум и оживление в зале нарастали. Кто-то воскликнул:

— Получается заколдованный круг!

Затем Г. К. Иванов пытался оправдать выпуск бытовых машин на одно напряжение. Тут уж стенограмма состоит из сплошных пометок:

В зале шум, возражения...

Шум...

В зале шум...

Никто, конечно, не спорил, что делать бытовые машины не просто. Но это не оправдывает пороков в работе заводов министерства. Ведь речь идет о высококвалифицированной советской электротехнической промышленности, неоднократно показавшей свою производственную мощь, талантливость своих технических кадров.

Кивать тут не на кого! И шум в зале был правомерным. Это, очевидно, понял Г. К. Иванов, потому что закончил он словами:

— Будем надеяться, что это совещание послужит делу дальнейшего выпуска хороших, недорогих бытовых машин, в которых так нуждается наш советский потребитель.

Вот это правильно!

Этого и ждет советский потребитель!

Мы рассказали об одном совещании. Многое, о чем говорили его участники, можно было услышать и раньше. Но далеко не всегда за разговорами следовали дела. Хочется верить, что на этот раз министерства, предприятия и торгующие организации не останутся глухи к голосу потребителей.

СТАРИК из книги Хемингуэя

Мигель Рамирес.

«Все у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, веселые глаза человека, который не сдается».

Так Хемингуэй описывает старого рыбака Сантьяго Эль Кампеон в своей книге «Старик и море» (вышла недавно в «Библиотеке «Огонька»).

Миллионы людей на многих языках с волнением читали эту повесть. Небезинтересно, что старик, описанный в книге, действительно существует, ему 70 лет, и живет он в маленьком рыбачьем селении Кохимаре, в нескольких километрах от Гаваны (Куба).

Вот что рассказывает об этом итальянский журнал «Темпо».

Сходство между рыбаком, изображенным в повести, и Рамиресом бросается в глаза при первой встрече. Легко узнать и описанную в книге хижину, которая стоит в нескольких шагах от моря.

Мигель Рамирес — худой, поджарый старик с глубокими, будто вырубленными резцом, морщинами на шее. Его руки покрыты зарубцевавшимися шрамами от порезов веревкой при ловле крупной рыбы. Каждый шрам имеет свою историю.

— Однажды,— рассказывает Рамирес,— я направлялся на рыбную ловлю, один в моей лодке; ко мне приблизилась другая лодка, в которой находился человек с фотоаппаратом. Это был мистер Уэй [1], он завел со мной разговор. Вечером он угостил меня стаканчиком вина в кафе Кохимара, и мы проболтали целую ночь. На следующий день мы снова отправились на рыбную ловлю; так мы выпили с ним не один стакан вина. Потом мистер Уэй сказал мне, что он хочет написать рассказ из моих историй...

С некоторых пор Мигель Рамирес не занимается больше ловлей рыбы: у него уже не хватает на это сил. Он сторожит и чистит чужие лодки.

— Я уже в самом деле совсем старый. Счастье, что у меня есть друг — Мигелито, мальчишка, который тоже попал в книгу мистера Уэя. Это он заплакал при виде моих истерзанных рук. Мигелито добр ко мне и часто приносит чего-нибудь поесть. А я ему рассказываю свои истории. Я уже совсем старый и гожусь только на то, чтобы учить мальчуганов завязывать узлы. Но здесь меня все уважают, так как однажды мне удалось поймать такую большую рыбу, какой тут еще никто не видел!..

Р. ЗАМКОВА

[1] Так старый рыбак называет Хемингуэя.

Перед хижиной старого рыбака. Рамирес и его маленький друг Мигелито у лодки, описанной Хемингуэем.

В Кохимаре все любят слушать истории старого рыбака, даже шериф.

20 000 километров по Ирану

Профессор
Н. ЩЕРБИНОВСКИЙ

В Ширазе и южном Фарсе

Опять знакомая дорога в Исфаган, а утром начинается путь до Шираза по очень хорошему шоссе, связывающему Тегеран с побережьем Персидского залива у порта Бушир. После нескольких живописных перевалов через лесистые хребты мы миновали руины древней резиденции ахеменидов — Пасаргада, где находится гробница царя Кира. Вдали показались остатки величественных дворцов Дария и Ксеркса — древний Персеполис, сооруженный почти два с половиной тысячелетия тому назад. И хотя я уже не раз бывал среди этих гигантских каменных изваяний крылатых быков и двадцатиметровых колонн главного зала, опять с волнением любовался тончайшими барельефами, высеченными в скалах и на многотонных глыбах камня, уложенных в основании дворцовых сооружений.

Персеполис, или Тахте-Джемшид,— одна из наиболее ярких и внушительных страниц былой славы древнего персидского царства...

От Тахте-Джемшида до Шираза шестьдесят километров. Сейчас весь этот участок пути значительно расширен и выпрямлен, больше половины шоссе уже покрыто асфальтом. Наконец, последний перевал, проверка пропусков, и вот в широкой долине раскинулся Шираз — «город поэтов и роз», как его нередко называют в Иране.

Шираз, имеющий тысячелетнюю историю,— один из самых замечательных городов Ирана.

В нем находятся прославленные мечети и всемирно чтимые могилы великих поэтов прошлого — Саади и Хафиза. Над могилами сооружены прекрасные мавзолеи, их окаймляют цветочные ковры, вокруг стоят, как на страже, кипарисы. Белой вязью арабских букв на темносиней эмали написаны бессмертные стихи Саади и Хафиза, письменами украшены нефритовые надгробные камни. Сотни посетителей проходят ежедневно к этим мавзолеям почтить память любимых поэтов, чьи изречения и в наши дни широко бытуют среди народа.

Возле мавзолея Хафиза наши иранские коллеги познакомили нас с пожилым господином лет пятидесяти пяти. Он не расставался со слуховым аппаратом.

— Знакомьтесь, господа, — сказал сопровождавший нас представитель Министерства сельского хозяйства Иозданмехр.— Это господин Халили, в прошлом видный общественный деятель, а теперь меценат, недавно подаривший городу большую больницу, оборудованную по последнему слову техники. Господин Халили очень рад случаю познакомиться с советскими учеными и просит вас пожаловать сегодня к нему. Господин Халили — большой любитель декоративного цветоводства.

Хозяин встретил нас очень любезно и после обильного угощения сластями и фруктами предложил осмотреть его любимый сад. Сад действительно был полон самых редких цветов, тропических кустов и деревьев, выписанных владельцем из Америки, Австралии и Африки.

До позднего вечера мы рассказывали господину Халили и нескольким его гостям о развитии биологической науки в Советском Союзе, о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, о ботанических садах Москвы и Ленинграда. Мы обещали ему посетить его имения, разбросанные почти по всему Фарсу, и выяснить причину гибели некоторых видов цитрусовых и фисташковых насаждений, которые господин Халили впервые начал вводить в Фарсе.

Трехдневные сборы — и вот перед нами снова дальний путь на юг...

Июль дышал нестерпимым зноем даже на высотах в полторы — две тысячи метров. Вся дикая растительность равнин и горных склонов, за очень редкими исключениями, полностью выгорела. Пыльные бури заволакивали все небо желто-коричневой дымкой. Нестерпимо мучила жажда. Ведь если сопоставить с Африкой те места, по которым мы ездили, оказалось бы, что мы находимся на тысячу километров южнее алжирского побережья Средиземного моря, где-то на уровне глубинных мест пустыни Сахары.

Несмотря на изнурительный зной, наши научные работы шли полным ходом. Мы видели долины, в которых была проведена борьба с саранчой почти на пятидесяти тысячах гектаров. Совершили многочисленные поездки для осмотра цитрусовых садов и посевов хлопчатника. Мы карабкались по горным склонам в поисках дикорастущих растений, на которых живут и развиваются опасные для хлопчатника вредители-насекомые.

Все члены экспедиции собирали материалы. Змеи, ящерицы, скорпионы, фаланги, громадные сколопендры попадали в банки со спиртом. Сотни насекомых по вечерам вынимались из морилок и раскладывались на ватные матрасики. Иногда до полуночи мы просиживали около ярких газокалильных ламп, вылавливая насекомых, прилетавших на свет, или перекладывая сухими листами бумаги растения, заложенные в гербарные прессы. Нередко приходилось беседовать с собравшимися в каком-нибудь саду местными работниками и владельцами цитрусовых насаждений. Мы рассказывали им о мерах, которые надо принимать для защиты этих культур от вредных насекомых.

Местные власти, начиная от губернатора, как и военные, относились к нашей экспедиции с большим вниманием. Нам предоставляли удобные помещения, иногда выделяли вооруженную охрану, которая сопровождала нас при выездах в более отдаленные районы.

Возвращаясь в конце июля в Тегеран, мы вновь остановились пообедать в знакомой чайхане Рахмат-Абада.

«Салям алейкум, ага!» — обратились мы к владельцу.

Этот толстый человек, как обычно, сидел, скрестив ноги, на покрытых ковром нарах, поставленных над журчащим арыком в тени развесистого тополя.

Вокруг хозяина лежало несколько подушек и стоял окованный узорным железом сундук (он ссыпал туда деньги, полученные слугами с посетителей). Мы задержались из-за ремонта автомашин почти на два часа и с нескрываемым интересом наблюдали за трудовой жизнью владельца чайханы. Вот он вздремнул на мягких подушках, потом быстро очнулся, когда слуга принес ему очередную порцию туманов, бросил деньги в сундук и, кряхтя, отправился к находившемуся в десяти шагах глубокому бассейну. Мгновение — и его грузное тело, рассыпая тысячи брызг, ухнуло в воду. Через минуту, отдуваясь и слегка отжав мокрое белье, хозяин снова взгромоздился на нары и начал усердно молиться, покорно склоняя голову. Но и во время молитвы от зоркого взгляда чайханщика не ускользали мелкие неполадки в его обширном хозяйстве, и он, прерывая громкую молитву, еще громче поругивал слуг. Потом он опять ненадолго вздремнул, высыпал новую порцию денег в сундук и, так как знойный ветер не давал желаемой прохлады, еще раз совершил трудный поход к бассейну...

Участок шоссе на полпути между Тегераном и Исфаганом очень оживлен. Ежедневно мимо чайханы мчатся многие десятки больших пассажирских автобусов на Исфаган, Керман и к пакистанской границе, на Шираз и в другие важные пункты Ирана. Почти все автобусы неизменно останавливаются именно тут: ведь если 10—15 пассажиров пообедают, шофер автобуса получает бесплатное угощение! Вот почему так бойко и оживленно торгует предприятие толстого хозяина!..

К вечеру мы уже были в Тегеране, рассчитывая возможно быстрее выехать в третью экспедицию — на юг Хузистанской провинции.

В царстве «белого и черного золота»

Тридцатого августа утром мы выехали поездом в административный центр Хузистана — город Ахваз.

Посещение Хузистана входило в наш общий план научных работ в Иране. Кроме того, нам сообщили в Министерстве сельского хозяйства, что правительство заинтересовано в научной консультации по защите хлопчатника от вредителей, которые буквально свели в Хузистане на нет эту ценную культуру.

Равнины южного Хузистана составляют одно целое с Месопотамской низменностью, а их плодороднейшие почвы, некогда созданные илистыми наносами Тигра и Евфрата, могут смело конкурировать с почвами Египта.

Если оросить пустыни Хузистана водами рек Керхе, Каруна и его притоков, стекающих с высоких горных хребтов, то можно превратить эту провинцию в один из центров разведения лучших сортов хлопчатника. Иранское правительство наметило план больших гидросооружений для орошения уже в ближайшие годы десяти тысяч гектаров земли, отведенной под хлопок.

Однако Хузистан—зона не только перспективного развития «белого золота»; его недра богаче в тысячу раз не менее ценным «черным золотом» — нефтью.

В военные годы мне довелось проехать больше тысячи километров по южному Хузистану, включая побережье Персидского залива у порта Бендер-Дейлям, где наши самолеты вели борьбу с мириадами личинок саранчи. Попутно я посетил основные места добычи нефти англо-иранской нефтяной компании в Ахаджари, Рам-Хормозе, Гетсаране и «нефтяную столицу» — Абадан, где находится один из крупнейших в мире нефтеочистительных заводов. Тогда мне была предоставлена возможность посетить завод и подробно ознакомиться с технологическим процессом изготовления «имши» — очень хорошего препарата для уничтожения москитов, комаров, мух и многих других насекомых, вредящих человеку.

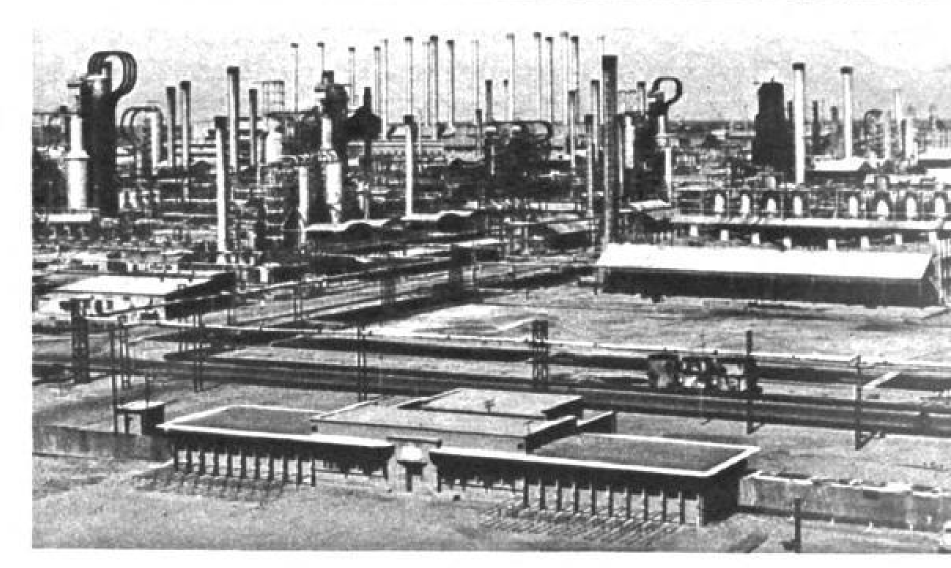
Положение с шистоцеркой в Хузистане нам было ясно по предыдущим исследованиям. Нынешняя наша экспедиция собиралась широко обследовать эти земли, в особенности очаги обитания шиповатого червя, переходящего оттуда на хлопчатник. Однако выполнить наш план не удалось: нам было отказано в поездке на побережье залива, к берегам реки Шатт-эль-Араб.

И невольно приходили на ум мысли о том, что, быть может, запрет приближаться к нефтяным центрам исходит от новых хозяев иранской нефти, вытеснивших своих предшественников-англичан и водрузивших над Абаданским

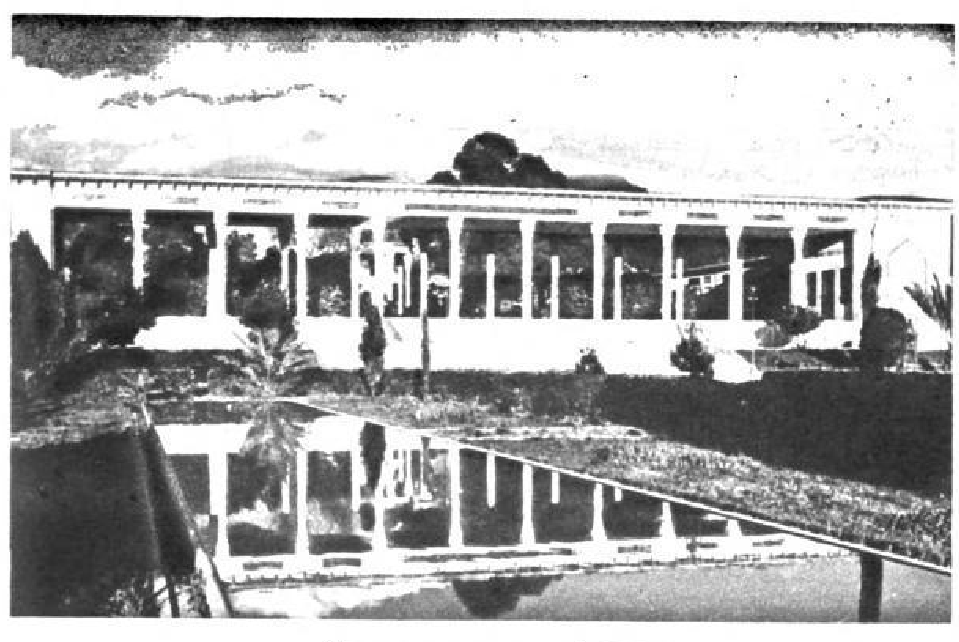
Окончание. См. «Огонек» № 25.

Мавзолей Саади в Ширазе.

Нефтеочистительный завод в Абадане.

Портал перед могилой Хафиза.

Караван покидает Бампур.

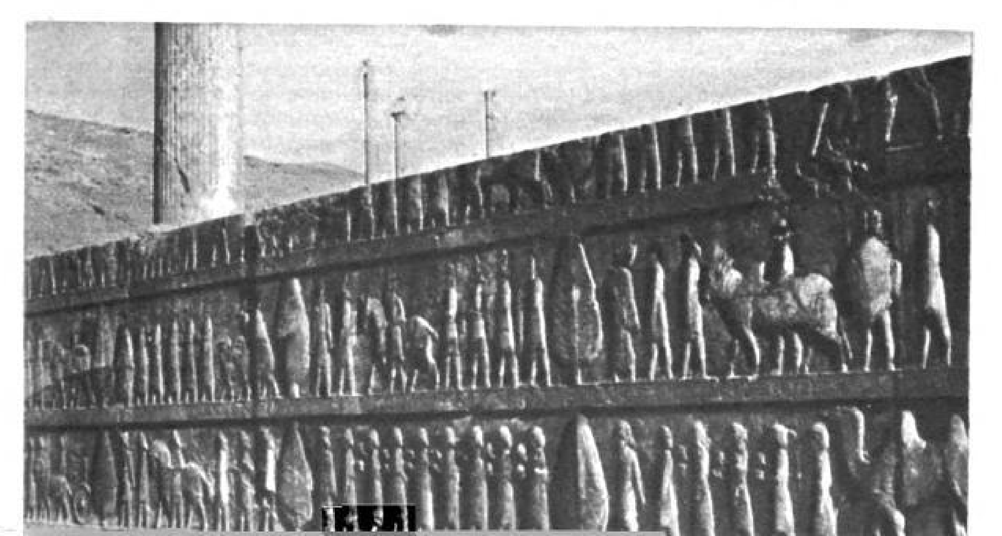

Бенгальские фикусы в селении Тисс на побережье Аравийского моря.

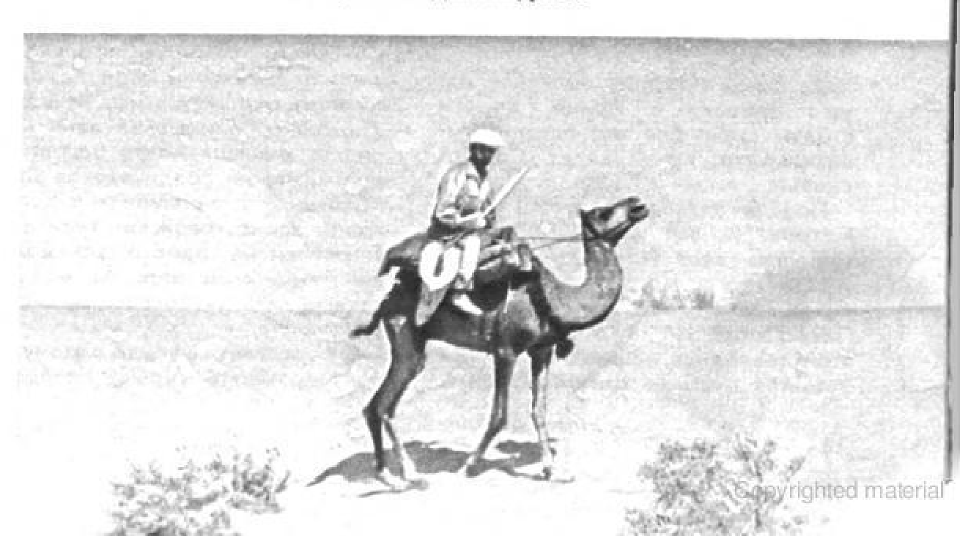
На юге Ирана. Рис в оазисе Дамен.

Барельефы в основании дворца Дария в Персеполисе.

В пустыне Джаз-Муриан.

заводом и всеми промыслами звездно-полосатые флаги. Для Ирана эта замена, хотя и под названием «Международного концерна», почти не изменила прежнего положения: национальное богатство страны, как и раньше, уплывает в буквальном смысле слова на запад — в Европу и Америку, давая стомиллионные прибыли предприимчивым бизнесменам.

Ахваз встретил нас прямо-таки горячо: за время нашего пребывания в Хузистане температура поднималась ежедневно до 45—47°. Объезжая хлопковые поля, мы задыхались от порывов раскаленного, пыльного ветра. Прикосновение к металлическим частям автомашины обжигало руки. И даже вечера не приносили желанной прохлады. Только в салоне гостиницы, принадлежащей нефтяной компании, где нам предложили остановиться, искусственно охлажденный воздух давал возможность придти в себя после мучительных поездок по пыльным, избитым дорогам.

Городская жизнь била ключом только в ранние утренние и вечерние часы. С утра на базары тянулись люди из окрестных селений. Женщины-арабки в черных одеяниях, но с открытыми лицами, украшенными серьгами в ушах и в ноздрях, с массой металлических и пластмассовых браслетов на ногах и руках, с такими же ожерельями на шее, несли на головах целые пирамиды из подносов, уставленных пиалами с кислым молоком и другими яствами, или пять — семь металлических котлов, поставленных один на другой.

С конца августа здесь начинается сбор фиников. Сотни лодок привозили из пальмовых рощ, расположенных по берегам Каруна, грозди янтарно-желтых, коричневых и красноватых плодов. Тут можно видеть десятки их разнообразных сортов. Высились горы гранатов, овощей, дынь, сладких и кислых лимонов, груш, персиков, винограда. В этом богатом солнцем крае можно было бы создать действительно сказочные сады, виноградники, плантации многих ценных культур...

Нужно отдать справедливость иранским энтомологам — они сделали много для изучения шиповатого червя. Мы видели на двух опытных станциях многочисленные примеры борьбы с вредителями хлопчатника с помощью новейших ядов, вели много дружеских бесед на эту тему с нашими иранскими коллегами, намечая пути дальнейших исследований этой важной для Ирана проблемы.

Закончив наши работы скорее, чем мы предполагали, мы в начале сентября вернулись в Тегеран, чтобы готовиться к самой трудной, основной экспедиции — в пустыню Джаз-Муриан.

Пустыня Джаз-Муриан

За шесть месяцев, которые мы уже провели в Иране, дороги страны стали для нас близкими и знакомыми, почти как в Подмосковье.

Позади пятнадцать тысяч километров. И вот снова предстоит пересечь весь Иран до берегов Аравийского моря к порту Чахбахар, невдалеке от границы с Пакистаном. Но главной целью этой последней нашей экспедиции остается пустыня Джаз-Муриан.

Таинственная, почти неизведанная, с «белыми пятнами» пустыня... Многие ученые, преимущественно английские, считали, что именно там «корень саранчового зла» не только для самого Ирана, но и для смежных с ним государств. Нашей советско-иранской экспедиции предстояло выяснить этот спорный вопрос, по которому на основании предшествовавших многолетних исследований я пришел к противоположной точке зрения.

Сборы были напряженные. Приходилось делать закупки оборудования, начиная с массивных керосиновых рефрижераторов, восьми — двенадцатилитровых небьющихся термосов, палаток и кончая специальным научным инвентарем и медикаментами.

Наконец все закуплено, упаковано. К счастью, прибыл из Москвы долгожданный «ГАЗ-69А», которому предстояло демонстрировать здесь свои добротные качества.

На этот раз члены экспедиции выехали не одновременно: Н. В. Александров и господин Ковсари вылетели в Керман заранее, чтобы успеть обследовать пустыни этой провинции, где в первый наш приезд — в июле — были массы саранчи. Господин Иозданмехр на машинах с грузами экспедиции выехал вслед за ними, а мы с И. В. Оводовым заканчивали оборудование «газика» и двинулись одни по старой дороге через Исфаган и Иезд в тот же Керман. Там должны были соединиться все участники похода в Джаз-Муриан.

Промелькнул утопающий в пальмах Бам, позади осталось безмолвие мертвой пустыни Деште-Лут; с грустью мы увидели, что в ущелье на пути к Захедану полностью иссяк родник, журчавший здесь еще в мае, когда мы проезжали тут первый раз.

В Бампуре после дополнительных переговоров с военными властями мы получили возможность ехать к Аравийскому морю, в Чахбахар.

С большим трудом преодолела наша колонна барханные пески на окраине Джаз-Муриана. Кое-где пески поросли небольшими деревцами саксаула, солянок и тропических акаций. Потом пересекли суровые хребты Башагердских гор с пышными оазисами финиковых пальм, растущих там, где есть вода. Уже спускаясь к морю, мы проехали, каким-то чудом не исковеркав машины, «Дарьяльское ущелье», правда, миниатюрное. Обрывистые скалы здесь сближались на 30—40 метров, а по камням, служившим нам дорогой, то журчал, то бился каскадами многоводный поток. Это ущелье тянулось двадцать четыре километра, и со дна его на большой высоте виднелась прежняя дорога, совершенно непроходимая теперь из-за оползней и обвалов.

Из ущелья мы выбрались уже в полной темноте тропической ночи и раскинули свои походные кровати около оазиса Никшахр. Уложив собранные за день материалы, мы еще долго беседовали о том, что ни среди песков Джаз-Мурианской пустыни, ни в горных тропических оазисах так и не встретили ни одного экземпляра шистоцерки. А ведь весной и в начале лета тут были миллиарды саранчи!

С рассветом мы тронулись дальше. Опять серые, безлесные скалы и каменистые плато, оазисы у источников воды с приветливыми, но очень бедно живущими обитателями. Наконец мы спустились в выжженную зноем приморскую равнину. Она покрыта пустынными белоземами, местами — песками, правда, с довольно обильными тропическими кустами и высокими деревьями цветущих капорцев и аравийских акаций. На деревьях уже начали появляться первые душистые цветы, предвещая близкий их зимний расцвет,— это бывает, как только начнутся скудные дожди, выпадающие тут только поздней осенью и зимой.

До Чахбахара остается пятьдесят километров. Октябрьский зной все еще очень тяжел: от 30 до 36° в тени. Вот повеяло влажным солоноватым ветерком, и в затянутой сизой дымкой дали глаз уже различает голубизну моря.

Перед самым городом — небольшая гряда обрывистых холмов. В одном из ущелий расположено селение Тисс, там находится большой опытный сад Министерства сельского хозяйства. Я и раньше бывал в этом интересном саду — тогда я приехал сюда из Индии на лодке по Аравийскому морю. Высятся громадные бенгальские фикусы с десятками пучков воздушных корней, которые свисают с ветвей и превращаются постепенно в стволы. Много разных индийских и индонезийских каучуконосов, манго, бананов и других тропических растений; тут изобилие воды да и сам воздух влажен от близости моря. И... ни единой шистоцерки.

Маленький городок Чахбахар с пыльными узенькими улочками расположен у берега залива. Когда-то оживленно торговавший с Индией порт сейчас превратился в тихое захолустье.

Нас пригласил остановиться у себя начальник гарнизона и пограничных войск, подполковник иранской армии. Мы с благодарностью пользовались его гостеприимством, ночевали на плоской крыше большого кирпичного здания бывшего английского консульства и получали самое ценное в условиях тропиков — хорошую воду со льдом из большого рефрижератора. Мы побывали в ближайших селениях, где выращивают хлопчатник. Там без труда набрали большое количество гусениц розового червя — хлопковой моли, этого мирового бича хлопководства, от которого свободен только Советский Союз и который считался полностью ликвидированным и в Иране. Советские специалисты в минувшие годы обнаружили его в этих местах.

Берега чахбахарского залива песчаные и пологие, но у открытого моря они скалисты. Волны вымыли в них удивительные гроты, глубокие ниши; вода с шумом и гулом вливалась в них, обдавая солеными брызгами. Купаться здесь нельзя. Зато можно увидеть гигантских морских черепах, выходящих на берег отложить в песок десятки больших белых яиц. Иногда можно даже увидеть крокодила, хотя далеко не каждый день.

Наш гостеприимный хозяин подарил нам три «пилы», которыми природа наделила громадных морских рыб. Одна такая «пила» имела сто сорок сантиметров длины и с обеих сторон была усажена десятками острых зубов.

По вечерам, сидя на крыше дома, мы слушали рассказы нашего хозяина и его гостей о морских чудовищах, какими богаты здешние воды, и о том, что этим летом, когда температура была около 50° и больше двух суток дул по пустыне раскаленный ветер, погибли в пути два военнослужащих пограничных войск вместе с верблюдами.

Через два дня мы вернулись на базу в Бампур, откуда был совершен трудный 650-километровый поход двумя караванами верблюдов вглубь пустыни Джаз-Муриан.

Когда наконец все члены экспедиции собрались в Бампуре, чтобы подвести итоги своей работы, то пришли к единодушному и твердому убеждению: очагов постоянного размножения шистоцерки в Иране, и в частности в пустыне Джаз-Муриан, нет. Если этих очагов не оказалось даже в год, исключительно благоприятный для массового размножения двух поколений шистоцерки, то по меньшей мере наивно считать, будто в этой пустыне могут быть обширные очаги постоянного размножения саранчи в те годы, когда во всей Азии и Африке шистоцерка становится буквально редкостью.

Экспедиция не обнаружила даже признаков живой саранчи там, где весной были ее огромные скопища. Вся она, согласно нашей гипотезе, мигрировала из Ирана в Пакистан, Индию, Аравию. И только новые залеты сюда извне (поздней осенью и зимой) дают шистоцерке возможность временно размножаться в пустынях Южного Ирана. Это бывает только весной, в годы, когда развивается одно поколение, и в начале лета при двух поколениях. Эти выводы мы представили от имени членов экспедиции министрам сельского хозяйства СССР и Ирана, о них доложили на IX советско-иранской конференции в Тегеране.

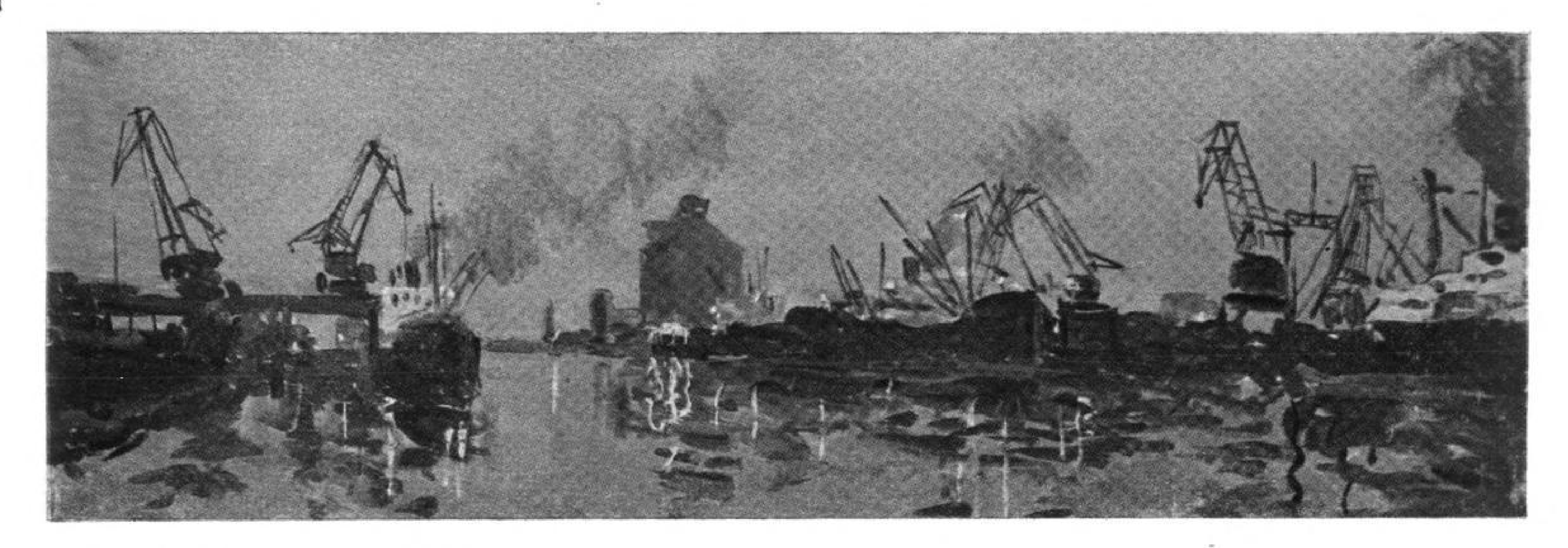
Тегеран — Москва

Конец ноября. Уже не раз по ночам вершины Эльбурсских хребтов за Тегераном покрывались снегом. Осыпались пожелтевшие листья тополей, бурели платаны.

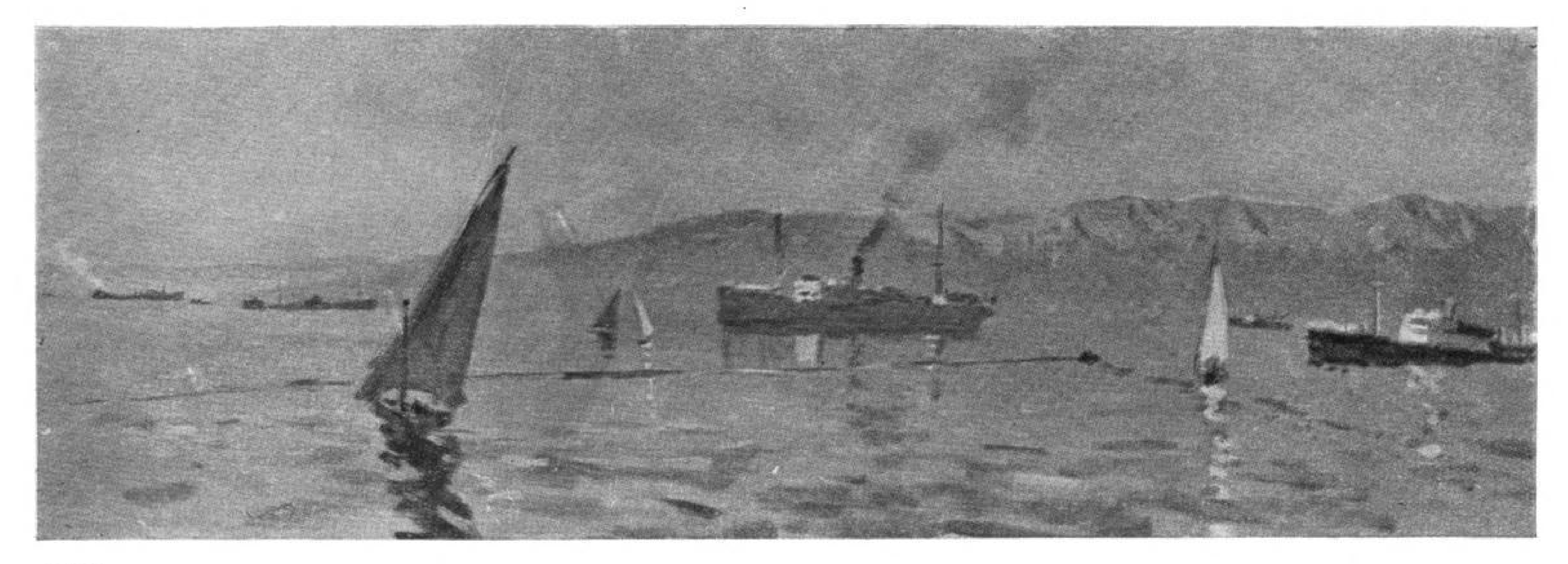
Но еще пышно цвели в парке нашего посольства розы, олеандры, хризантемы. Менялся облик природы, готовившейся к зиме...

За восемь месяцев поездок по стране было получено такое огромное количество впечатлений, что их, разумеется, не вместишь даже в серии очерков. Хочется сделать одно обобщение. Иранский народ и интеллигенция относятся к советским людям с большой симпатией; их глубоко интересует жизнь Советского Союза, его экономика, быт, культура, наука. Некоторые круги иранских деятелей хотят расширять торговые связи с СССР.

Мы, группа советских ученых, испытывали и продолжаем испытывать самые дружеские чувства к нашим иранским коллегам и ко всем представителям иранской интеллигенции, к доброжелательному, миролюбивому народу Ирана. И, несмотря на очень тяжелые условия работы в южных пустынях Ирана, мы всегда будем готовы вновь и вновь оказать посильную помощь Ирану в защите его полей и садов от саранчи и других вредителей и болезней, которые могут грозить сельскому хозяйству соседней с нами страны.

М. А. Бирштейн. КАЛИНИНГРАДСКИЙ ПОРТ.

СУЭЦ.

НА УЛИЦЕ СИНГАПУРА.

Из Калининграда во Владивосток

С флотилией рыболовецких судов, которые перегоняли из Калининграда во Владивосток, в долгое путешествие отправился художник М. А. Бирштейн.

В конце ноября 1955 года флотилия вышла из Калининграда. Балтика, Кильский канал, Северное море, Па-де-Кале, Ла-Манш, Бискайский залив, Атлантический океан, берега Португалии, Гибралтар, Порт-Саид, Джибути, Индийский океан, Суматра, Сингапур, Японское море, и вот наконец флотилия прибыла во Владивосток.

В этом номере публикуются произведения М. Бирштейна из серии работ, выполненных им во время путешествия.

ГИБРАЛТАР.

ДЖИБУТИ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ.

«Униженные и оскорбленные». Сцена из спектакля. Князь Валковский — народный артист РСФСР Б. Ильин, Наташа — В. Шатрова, Алеша — Е. Зубарь.

СПЕКТАКЛИ СВЕРДЛОВСКОГО ТЕАТРА

Свердловский государственный драматический театр, приехавший на гастроли в Москву, одержал совершенно очевидную победу над «грозным противником» — жарой. Москвичи охотно посещают его спектакли, проходящие в помещении Малого театра, свердловчане заинтересовали зрителя глубиной и силой своего искусства.

...Медленно и сдержанно начинает театр свой рассказ о бедных и несчастных людях — героях романа Ф. Достоевского «Униженные и оскорбленные» (инсценировка Л. Рахманова и З. Юдкевича). Тихо, незаметно умирает нищий, больной старик Иеремия Смит (Н. Недельский); с грустью прощается со своими родителями Ихменевыми уходящая из их дома Наташа (В. Шатрова); без протеста, повинуясь чужой воле, наблюдает соединение любимой девушки с легкомысленным Алешей молодой писатель Иван Петрович (К. Максимов). И вам кажется, что эти люди способны только терпеливо сносить невзгоды тяжелой жизни. Но театр далек от того, чтобы показать лишь смирение и страдание своих героев. Постановщик Е. Плавинский и исполнители стараются раскрыть, как в бескорыстном Иване Петровиче, в больной, запуганной Нелли (Е. Захарова), в беззаветно любящей Наташе, в несправедливо оскорбленном Ихменеве (М. Буйный) растет и проявляется сознание человеческого достоинства — единственного их сокровища. Смело и решительно бросают они вызов бездушному князю Валковскому. Его роль с неистощимым разнообразием оттенков и деталей играет Б. Ильин. Сильное впечатление оставляет сцена последнего объяснения Валковского с Наташей, когда он с наглым цинизмом и беззастенчивой откровенностью обнажает свое истинное лицо не стесняющегося соображениями морали эгоиста.

В «Униженных и оскорбленных» театр показал резкие и непримиримые столкновения, страстные, не знающие преград чувства, и поэтому зрители горячо реагируют на все происходящее на сцене.

Не оставляет нас равнодушными и другая работа театра — постановка «Филумены Мартурано». Свердловчане первыми показывают на своей сцене это произведение Эдуардо де Филиппо — одного из крупнейших драматургов и театральных деятелей современной Италии, знакомого уже нам по актерским работам в фильмах «Неаполь — город миллионеров» и «Девушки с площади Испании». Режиссер Ю. Сергеев поставил пьесу де Филиппо как морально-бытовую комедию о положении женщин в буржуазном обществе. Филумена Мартурано, прожившая двадцать пять лет содержанкой богача Доменико Сориано, хочет наконец соединиться с ним узами брака. И, несмотря на то, что возлюбленный усиленно сопротивляется ее желанию, она все-таки заставляет его жениться ради трех их сыновей. Тема ответственности родителей за судьбу детей стала главной в постановке Свердловского театра. Е. Дальская тонко и умно показывает борьбу героини спектакля за свои права жены и матери, ее моральное превосходство над эгоистом Доменико. К сожалению, Доменико (М. Буйный) не стал в спектакле достойным противником Филумены,— актер ведет свою роль недостаточно активно, без необходимого чувства юмора. Подлинно национальное своеобразие придают спектаклю колоритные фигуры итальянской девушки-служанки Лючии (Е. Захарова), трех веселых парней — сыновей Филумены (их роли исполняют Е. Зубарь, В. Сивач и А. Ильин).

В репертуаре театра и такие значительные работы, как «Сомов и другие» — одна из лучших интерпретаций этой пьесы великого русского писателя на нашей сцене; спектакли о современной жизни — «Крылья» А. Корнейчука, «Персональное дело» А. Штейна, «Размолвка» — лирическая комедия местного драматурга Ю. Мячина, «Деньги» А. Софронова, а также пьеса Назыма Хикмета «Чудак».

При всем разнообразии репертуара театр явно тяготеет к произведениям углубленно-психологическим, к реалистическим драмам и комедиям. В этом направлении ведет коллектив его руководитель, главный режиссер В. Битюцкий, сумевший сплотить в едином ансамбле таких ярких и разнообразных актеров, как М. Токарева, Б. Ильин, К. Максимов, Б. Молчанов, М. Буйный, В. Капустина, В. Шатрова, Е. Дальская, Н. Петипа, и других. Здесь заботливо растят молодую смену — режиссеров Ю. Сергеева, Е. Плавинского, актеров Е. Захарову, Ю. Васильева, Г. Кузнецову, В. Сивача. И результаты этого сразу почувствовали зрители, тепло встретившие в Москве спектакли Свердловского театра — одного из наиболее интересных и многообещающих коллективов.

Н. МОРОЗОВА

«Филумена Мартурано» Эдуардо де Филиппо. Филумена Мартурано — заслуженная артистка РСФСР Е. К. Дальская.

Фото А. Гладштейна.

И. А. Лихачев

После продолжительной и тяжелой болезни скончался Иван Алексеевич Лихачев — кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, министр автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР.

И. А. Лихачев прошел большой и славный трудовой путь — от слесаря до министра.

Похороны видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства И. А. Лихачева состоялись 26 июня на Красной площади.

Р. М. Глиэр

23 июня в Москве скончался выдающийся русский композитор и дирижер, народный артист СССР Рейнгольд Морицевич Глиэр. Многочисленные произведения Р. М. Глиэра — достойного продолжателя реалистических традиций русской музыкальной классики — пользуются широким признанием и в нашей стране и за рубежом. Выдающийся педагог, Р. М. Глиэр воспитал целое поколение советских музыкантов. В течение десяти лет он возглавлял Союз советских композиторов.

ГАММА-ЛУЧИ ПРОСВЕЧИВАЮТ МЕТАЛЛ

Лидия Федоровна Иванова подошла к только что изготовленным металлоконструкциям очередного шагающего экскаватора.

— Просвечивать будете? — спрашивают ее сварщики.

— Да, посмотрим вашу работу...

И вот из небольшого контейнера, представляющего собой тяжелую защитную свинцовую оболочку, длинными щипцами осторожно извлекается блестящий цилиндрический предмет величиной с обычный винтовочный патрон. Это ампула с радиоактивным кобальтом для просвечивания деталей особенно сложной конфигурации.

Когда была проявлена пленка, из лаборатории сообщили: сварка сделана добротно, и внутренних изъянов нет.

Радиоактивные вещества, излучающие гамма-лучи, широко применяются рентгеновскими лабораториями Уралмашзавода для определения качества сварки швов, для нахождения внутренних дефектов в отливках. Гамма-лучами на заводе просвечиваются не только небольшие узлы и детали, но также части конструкций весом в десятки тонн. На вооружении рентгеновской лаборатории имеются и небольшие оригинальные ампулы-«малютки», с помощью которых можно проникнуть в самые труднодоступные места уже смонтированных агрегатов.

Недавно рентгеновская лаборатория завода получила новую установку, заряженную большим количеством искусственно-радиоактивного кобальта. С ее помощью можно просветить гамма-лучами металл толщиной более двухсот миллиметров. Установку легко доставить в любой цех завода. В этом случае с помощью специальных переносных дозиметров определяют безопасные в отношении радиоактивного излучения зоны для рабочих.

Почти 25 лет прошло с тех пор, как на Уралмаш из Германии прибыла первая стационарная рентгеновская установка. Это было громоздкое, неподвижное сооружение. Детали для просвечивания приходилось доставлять из цехов, с трудом втискивать их в лабораторию. Многие детали так и не удавалось проверить рентгеном.

С тех пор произошли большие изменения. Туда, где не может проникнуть луч рентгена, добираются гамма-лучи. Ядерная энергия атома все шире применяется для контроля качества продукции. Теперь в заводских лабораториях Уралмаша много передвижных установок отечественного производства, невидимые лучи которых, проникая в металл, обнаруживают скрытые дефекты.

А. ГРИГОРЬЕВ

Подготовка к просвечиванию сварного шва с помощью гамма-установки.

Фото В. Темина.

УРОК ПРОШЕЛ НОРМАЛЬНО...

Рассказ

Александр ВОЛОДИН

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Анна Николаевна шагала по проходу между партами и негромко, раздельно говорила:

— Какова идея рассказа «Старуха Изергиль»? Кто мне ответит на этот вопрос?

Ее муж сидел на задней парте, наклонив светлую курчавую голову. Она так много рассказывала дома о школьных делах, что мужу захотелось своими глазами увидеть ее учеников. Он давно напрашивался посидеть хоть разок на уроке, и наконец Анна Николаевна согласилась.

Но сегодня, когда Павел вошел в класс, она поняла, что согласилась напрасно: вдруг заволновалась, да так, что начали дрожать ноги и к вискам прилила кровь. Выручила ее только привычка владеть собой при учениках.

Ребята сидели на редкость смирно и смотрели прямо на нее, хотя, разумеется, им было бы интересней хорошенько разглядеть постороннего человека, которого они, вероятно, принимали за инспектора. Анна Николаевна чувствовала, что сейчас они заодно с ней и стараются вести себя так, чтобы не подвести свою учительницу. Это по-молодому доброе, дружеское участие тронуло ее.

Повернувшись на каблуках, она медленно подошла к своему столу и раздельно, словно диктуя, повторила:

— Ну? Кто мне ответит на этот вопрос?.. Сташко!

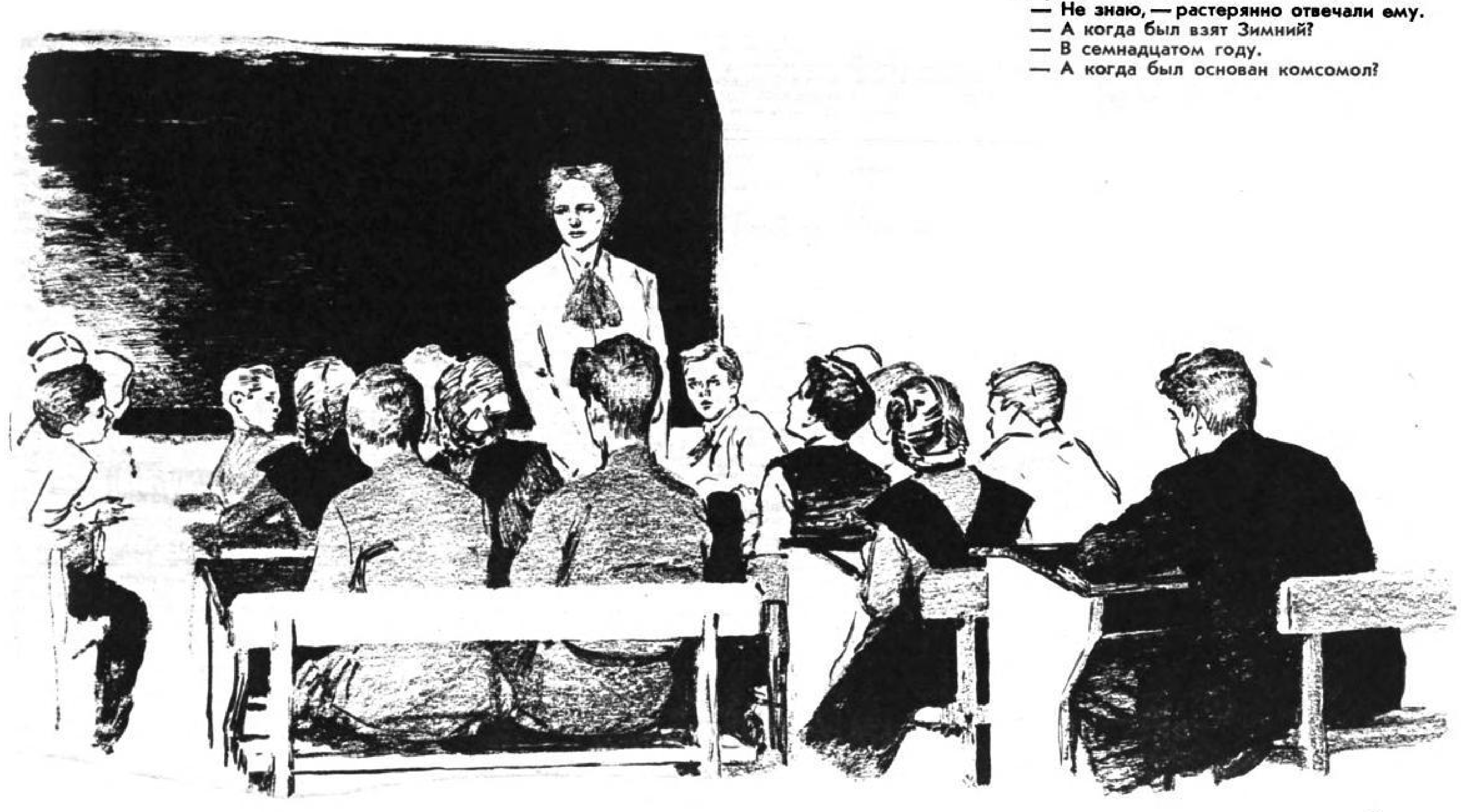
Черноглазый Сташко, у которого поверх курточки выпущен аккуратный белый воротничок, ответил с готовностью:

— В жизни всегда есть место подвигам.

— Так, хорошо. Еще кто скажет?.. — Словно дирижируя загорелой рукой, Анна Николаевна указала: — Иванеева.

Красавица Иванеева поднялась, вскинула свои длинные ресницы.

— «Если я не за себя, то кто же за меня? Но если я только за себя, то зачем я?»

Павел сидел в углу, уставясь в парту, и, кажется, улыбался. Впрочем, у него от природы насмешливый рот, и Анне Николаевне иногда не удавалось установить, улыбается он или нет.

Она вызвала к доске Сташко. Тот не стеснялся никаких инспекторов и, отвечая, любил почудить. Правда, с умом, не переходя границ. Чуть усмехаясь, он подошел к столу. И сам Сташко и все остальные, очевидно, хорошо понимали, почему она вызвала первым именно его.

— Изложи нам содержание рассказа «Макар Чудра», — предложила Анна Николаевна.

— Один цыган, — после небольшой паузы начал Сташко, — имя его я забыл...

— Забыть трудно. Его именем называется рассказ.

— Ну да, Макар Чудра. Так вот, как все пожилые люди, он любил поучать.

— Удар в спину своей учительнице, — пошутила Анна Николаевна.

— А мы считаем вас молодой, — нашелся Сташко.

Все засмеялись.

Анне Николаевне было приятно, что Павел видит, как свободно она держится со своими учениками.

Сташко излагал рассказ, как всегда, с забавными отступлениями и комментариями, но Анна Николаевна, покосившись на заднюю парту, поняла, что его ответ не производит должного впечатления.

— Радда потребовала, чтобы Лойко отдал ей свободу. Но, как известно, для мужчины отдать свободу хуже, чем отдать жизнь...

Сташко всегда отвечал так. И всем это нравилось, и Анне Николаевне нравилось тоже. Вчера во время приема в комсомол она, так же как и ребята, от души веселилась, когда этот же Сташко каждого вступающего встречал коварным вопросом:

— Сколько комсомольцев брали Зимний дворец?

— Не знаю, — растерянно отвечали ему.

— А когда был взят Зимний?

— В семнадцатом году.

— А когда был основан комсомол?

Потом как секретарь комитета он торжественно поздравлял со вступлением в ряды комсомола и тех, кто ответил, и тех, кто не сумел ответить на его вопрос.

Теперь же, на уроке, Анна Николаевна невольно смотрела на Сташко со стороны, глазами мужа, и думала: «А ведь, по существу, мальчишка рисуется, держится этаким общим любимцем, которому позволено больше, чем другим».

— Поменьше бы внешних эффектов, Сташко, — недовольно сказала она и вызвала Васильева.

Хотя Васильев учился и неважно, чем-то он был симпатичен Анне Николаевне. Может быть, потому, что муж особенно часто расспрашивал именно о нем.

Как-то в восьмом классе со всей страстностью мальчишеского пренебрежения к женской половине человечества Васильев обрушился на известное высказывание Белинского, где тот сравнивает любовь к родине с любовью к женщине. Это сравнение показалось Васильеву бестактным и унизительным для родины.

В душе Анна Николаевна посмеялась, но Васильеву сказала строго:

— С авторитетными людьми у нас все же

принято соглашаться. Я твое сочинение прочитала — ладно. А если ты такое при ком-нибудь на экзамене брякнешь?

А Павел, которому дома она рассказала об этом, стал по своему обыкновению возмущаться и доказывать ей, что таким вот образом она приучает Васильева прятать свои мысли, не высказывать их вслух, если они не совпадают с какими-то положениями учебника, и что тем самым она отучает его честно и смело оценивать явления жизни. И пускай, мол, сейчас Васильев кажется ей смешным, придет время, он, может быть, еще всем покажет...

— Или голову сломает, — возразила Анна Николаевна.

Скоро она привыкла к тому, что многие вопросы учебной программы Васильев толкует по-своему, иной раз наивно, а иногда не по возрасту зрело. Правда, с течением времени он, кажется, понял, что не обязательно оповещать о своих соображениях всех окружающих.

Однако сегодня ей хотелось, чтобы Васильев отвечал, не обращая никакого внимания на присутствие постороннего человека. Именно сегодня ей не нужно было от него ответа на четверку или пятерку. Хотелось, чтобы он отвечал так, как говорил иногда с ней наедине.

— Послушай-ка, Васильев, а сам-то ты что думаешь? Свои-то мысли есть у тебя по этому поводу? — перебила его Анна Николаевна.

Васильев замолчал, вскинул волосы, которые тут же снова скользнули на лоб, и озадаченно уставился на учительницу.

— Ну? Что же ты молчишь? Говори! Никто тебя не съест.

Но Васильев, не сводя скучных глаз с задней парты, снова принялся что-то бубнить по учебнику, к тому же не очень связно.

— Это ты, братец, начинаешь воду лить! — с досадой оборвала его Анна Николаевна. — Садись!

Для виду полистав журнал, она сказала:

— Что ж, самые наши умные уже отвечали, а остальных и спрашивать боязно. Иванеева, прошу!

Иванеева встала, заложила руки за спину и, нацелив ресницы в матовую грушу лампы, начала быстро и громко:

— Максим Горький говорит, что «безумству храбрых поем мы песню». Здесь он также выступает против мещанства.

Эта безнадежно школярская формулировка покоробила Анну Николаевну. В самом деле, неужели девушку нисколько не волнует смысл того, о чем она говорит? Неужели ей безразлично все на свете, кроме отметки, которую она получит за свой ответ?

— Вот ты говоришь — мещанство. А как ты понимаешь это слово? — все более раздражаясь, спросила Анна Николаевна.

Иванеева перевела на нее встревоженный взгляд, подумала и сказала:

— Мещанство?.. Ну, это такие люди, у которых мелкие интересы. Они на все смотрят с обывательской точки зрения, думают только о своей выгоде.

— В общем, правильно. Продолжай, — несколько остыв, сказала Анна Николаевна, и девушка снова устремила глаза в потолок.

— Максим Горький говорит, что «рожденный ползать — летать не может!», — переступая с ноги на ногу, продолжала она.

Учительница покосилась на заднюю парту и встретила насмешливый взгляд мужа.

— Хватит, Иванеева, — сказала она, захлопнув журнал. Легкая, веселая злость подняла ее из-за стола. Она еще не знала, что именно скажет, но уже была уверена, что найдет, сумеет найти какие-то особенные, настоящие, необыкновенные слова о Горьком. Пусть и Павел послушает...

— Максим Горький!.. — произнесла Анна Николаевна, и голос ее дрогнул. — О чем говорит нам это имя? Что сегодня оно значит для всех нас? Максим Горький... это такой человек...

Она заметила, что говорит каким-то несвойственным ей тоном, и запнулась.

— Это человек... Ведь подумать только, Максим Горький!..

Анна Николаевна села за стол, провела рукой по лицу. В классе стояла странная, напряженная тишина. Ребята смотрели на нее с любопытством, встревоженные, и словно чего-то ждали. А она молчала. Она не знала, что говорить дальше. Если бы можно было сейчас встать и куда-нибудь уйти отсюда!

Она встала, еще раз прошлась по классу.

— Максим Горький является основоположником социалистического реализма, — негромко сказала она. — Первый период его творчества продолжается с тысяча восемьсот девяносто второго по девяносто девятый год. Девяносто девятый год.

Чувство неловкости стало исчезать. Привычное спокойствие возвращалось к ней.

— Этот период характерен тем...

Сверху, из спортивного зала, доносился дробный топот, через открытую форточку было слышно, как первоклассники старательно поют веселую песенку:

У ручья на зеленом лугу-у
Я овечек своих стерегу.
Белые топ, топ, топ, топ...
Серые топ, топ, топ, топ...

Анна Николаевна уже ругала себя за то, что, потакая глупейшему любопытству мужа, пустила его к себе на урок. И на что это ему понадобилось? Она же не лезет в его дела, не выспрашивает, не исправляет его чертежей!

Может быть, ей суждено приходить сюда, в эту школу, день за днем, всю жизнь. День за днем делать свое трудное, незаметное дело. А как она его выполняет, уж, во всяком случае, не мужу судить об этом. И прежде всего потому, что многие вещи он понимает очень наивно. В этом отношении он недалеко ушел от Васильева.

Когда прозвенел звонок, Павел выбрался из своего угла и, как было условлено, отправился домой.

Анна Николаевна задержалась, чтобы посмотреть отметки своих учеников по другим предметам.

— Так вот, сообщаю вам, милые дети, что в журнале страницу по геометрии открыть противно, — сказала она. — Двоечники! Сташко на уроке не был? Почему ты не был?

— Вы меня отпустили.

— Странно... Теперь вот что меня интересует. Полищук, скажи мне по секрету, что ты сейчас писал весь урок? Бюрократ несчастный! Отвечали все отвратительно. А Васильев, который три года только и делает, что старается нас удивлять своими особыми мнениями, сегодня вдруг ударился в другую крайность: вызубрил целый раздел учебника, да и то рассказать толком не сумел.

Васильев обтянул свитерок с оленями и посмотрел на нее угрюмо и печально, как будто считал себя взрослее учительницы и понимал, что обижаться на нее не стоит.

Анна Николаевна вспомнила, как однажды он сказал ей с некоторой снисходительностью:

— Вы, Анна Николаевна, не знаете жизни. А я знаю дно жизни. (Это знание «дна жизни» заключалось в том, что его отец ушел от матери.)

— Анна Николаевна! — подошла к столу Иванеева. — А я догадалась, кто у нас был на уроке!

— Кто же, по-твоему?

— Это был не инспектор, а ваш знакомый.

— Чепуха какая! Откуда это тебе взбрело в голову?

— А потому, что вы не так разговаривали, как если бы при инспекторе.

— Глупости! — оборвала Анна Николаевна.

В учительскую она вернулась с ощущением совершившейся неприятности. Села в кресло у круглого стола, покрытого зеленым сукном, и, положив портфель на колени, стала ждать звонка. С тяжелым стыдом она вспоминала свое бессмысленное бормотание: «Максим Горький, Максим Горький...» Вспомнила развязного Сташко, унылый ответ Васильева. Но теперь она испытывала раздражение и обиду не против них, а только против своего мужа. Сидел, посмеивался. А если бы на уроке присутствовал не он, а более понимающий человек? Если бы был действительно какой-нибудь инспектор? К чему он, в сущности, мог придраться? В чем мог бы ее упрекнуть? Сташко отвечал довольно эффектно, а что касается до некоторых вольностей, то инспекторам это даже нравится. И Васильев вел себя правильно. Было бы гораздо хуже, если бы он вдруг высказал какую-нибудь из своих нелепых идей. У Иванеевой в конце концов тоже все цитаты были на месте.

И Анне Николаевне стало даже смешно, что она могла всерьез отнестись к мнению Павла, и совестно, что она так ругала в душе своих ребят, да еще стыдилась за них. Стыдиться-то было ровным счетом нечего...

В учительскую на правах секретаря комитета комсомола забежал Сташко.

— Анна Николаевна, что, нехорошо урок прошел? — спросил он.

— Почему же? Урок прошел нормально. Если бы всегда отвечали так, все было бы в порядке, — сказала Анна Николаевна и, сняв с полки журнал, пошла на урок в параллельный класс.

Она поздоровалась с учениками, открыла журнал и молча постояла у стола. Потом, коротко вздохнув, печальным голосом спросила:

— Какова идея рассказа «Старуха Изергиль»? Кто мне ответит на этот вопрос?

Фото Е. Умнова.

В Москве в выставочном зале Центрального парка культуры и отдыха имени Горького открыта выставка английских моделей дамской одежды.

Она организована Ассоциацией английских домов моделей. Одиннадцать ведущих фирм прислали свои образцы. Здесь экспонируются не только дамские платья, но и шляпы, сумки, белье — самые разнообразные предметы женского туалета.

В дни выставки английские манекенщицы встретились с художницами и манекенщицами Московского общесоюзного дома моделей. Слева направо: манекенщицы Джой Вестон, Антонина Маркушева, Энн Саут, Нина Вагина, художники-модельеры Тамара Кузнецова и Нина Голикова, манекенщицы Пейген Григ, Тамара Осецимская, Молли Фриз, Валентина Сергеева, Джой Слейп, Валентина Зотова.

← Шесть манекенщиц приехали из Англии демонстрировать модели.

НА СТАДИОНЕ „МИТХАТПАША"

А. КУЛЕШОВ

Турки — искусные мастера по серебру. В лавчонках на старинном базаре и в магазинах на центральной улице Стамбула — Истикляле — можно найти замечательной красоты серебряные вазы, коробки, сундучки, кубки.

Великолепно сделаны были и массивные серебряные «Кубки мира по борьбе».

...Когда самолет сложным путем, через Париж и Мюнхен, нес нас к Стамбулу, куда в эти дни прилетали сильнейшие борцы всего мира, мы готовились к встрече с знойным восточным солнцем, но в первые дни соревнований накрапывал дождь, и многочисленные зрители, заполнившие стадион «Митхатпаша», с досадой поглядывали на небо.

На ковре Иоганнес Коткас (слева) и Хамит Каплан.

Этот стадион — крупнейший в Стамбуле — вмещает 25 тысяч зрителей. Одни из них удобно сидят под большим козырьком, другие стоят, тесно прижавшись друг к другу. Трибуны имеют форму подковы, открытую часть занимает городская газовая фабрика. Густой желтый дым порой застилал стадион, скрывая борцов, заставляя всех кашлять и жмуриться. Нас все время занимал вопрос: почему построили такую фабрику рядом со стадионом или, наоборот, стадион рядом с фабрикой? Ответа на него мы так и не получили.

Зрители были отделены от футбольного поля, на краю которого лежали на возвышении два борцовских мата, очень глубоким рвом, четырехметровой решеткой с густыми клубками колючей проволоки.

Надо сказать, что улыбка, появившаяся у нас при виде всех этих оборонительных сооружений, улетучилась быстро. Турки — очень темпераментные болельщики.

Когда на мате появлялся турецкий борец, дикий шум и крик не прекращались все пятнадцать минут схватки, причем кричали не только зрители, но и окружавшие маты журналисты, тренеры, полицейские, курьеры, разносившие судейские записки, и даже врач подпрыгивал на своем месте, размахивая руками.

Соревнования на «Кубок мира» начались с вольной борьбы. В них приняли участие 61 спортсмен из 12 стран, и самой сильной командой оказалась турецкая.

Блестяще выступил на этих соревнованиях двадцатилетний советский легковес Алимбег Бестаев. Это была его первая международная встреча и, по существу, третье крупное соревнование, в котором он участвовал. Глядя на этого невысокого изящного юношу, молчаливого и скромного, не скажешь, что это сильнейший борец мира. А между тем результаты Бестаева говорят сами за себя: он выиграл все пять схваток на туше, потратив на них в общей сложности около 20 минут — немногим больше времени, положенного на одну схватку. Среди побежденных им противников были такие сильнейшие борцы, как турок Мехмет Целеби, которому удалось продержаться против Бестаева лишь четыре с половиной минуты, и болгарин Георги Зейтеев, который не выдержал и одной минуты. Бестаев был награжден специальным призом, учрежденным для наиболее результативного борца всех соревнований, и по вольной и по классической борьбе.

В состязаниях по вольной борьбе советские спортсмены заняли одно первое место и четыре вторых, уступив по результатам только туркам. А затем начались соревнования по борьбе классической, в которых приняли участие 89 спортсменов из 16 стран.

Эта борьба требует особенно высокой подготовки, и надо сказать, что участники продемонстрировали отличную форму. Схватки носили очень упорный характер. Дело осложнялось еще тем, что покрытие матов оказалось слишком грубым и шершавым, а окружающие ковер «столы» с набивкой — настолько жесткими, что при серьезном падении повреждение было неизбежным. Борцы ходили, как боксеры, залепленные пластырями.

Борьба за «Кубок» снова разгорелась между спортсменами Турции и СССР. Легковес Владимир Росин, быстрый, смелый, вышел на ковер с этаким простоватым видом, словно заранее примирился с поражением. Его большие глаза смотрели удивленно, но удивляться вскоре пришлось противникам. Не успевали они опомниться, как уже оказывались на ковре, брошенные молниеносным приемом. Такая судьба постигла и венгра Гиула Тарра и турка Риза Догана.

Полутяжеловес Аркадий Ткачев совсем другого склада. Он всегда смущенно улыбается, будто стесняется своей могучей силы. Борется он старательно, словно выполняет серьезное деловое задание. С Росиным Ткачева роднит одно: конечный результат — неизменный выигрыш.

Особенно блестящей была его победа над турком Адилом Атаном, борцом огромного роста, с невероятно длинными, мощными руками, которые, словно стальной капкан, захлопывались за спиной противника. Однако эти устрашающие объятия разрывались Ткачевым, победившим с большим преимуществом.

Удивительный борец средневес Гиви Картозия! Он движется по ковру лениво, порой оглянется, иногда, стоя в партере, поворачивается, чтобы посмотреть, как идет интересная схватка на соседнем ковре... И вдруг Картозия бросает противника на лопатки.

Так проходила его встреча с ливанцем Руманосом Якубом. Дважды Картозия клал Якуба на лопатки, но арбитр каждый раз не засчитывал туше. Картозия не возмущался, не протестовал. Спокойно и деловито он продолжал борьбу и наконец положил ливанца так, что уже никто не мог поставить под сомнение его победу. Швейцарца Вернера Фивиана он тушировал на третьей минуте, победил он и всех других противников, в том числе и турка Исмета Атли.

Выиграл все свои встречи и полулегковес Владимир Сташкевич. Последнюю схватку он проводил поздним вечером с прошлогодним чемпионом мира венгром Имре Пойяком. Ход соревнований сложился так, что от этой встречи зависела судьба командного первенства: стоило Сташкевичу проиграть — и «Кубок» доставался туркам.

Трудно описать, что происходило на трибунах. Все пятнадцать минут на стадионе стоял оглушающий свист и грохот рукоплесканий. Трибуны тонули во мраке, и казалось, что это ревет и воет буря, которая вот-вот сметет и ослепительно сверкающий в лучах прожекторов ковер и маленькие фигурки, сцепившиеся в железном объятии.

Стадион, естественно, желал победы венгру, и какой надо было обладать выдержкой, чтобы не растеряться в этой обстановке, не сорваться, спокойно и уверенно вести борьбу с труднейшим, опаснейшим противником! Все эти качества проявил замечательный советский спортсмен Владимир Сташкевич. Он выиграл схватку и закрепил победу за своей командой.

А разве можно не восхищаться сорокатрехлетним борцом тяжеловесом Иоганнесом Коткасом, участником первенства Европы 1937 года! Тысячи схваток провел он на коврах многих стран, одерживал сотни блестящих побед, много раз завоевывал звание чемпиона. И вот в 1956 году, попрежнему сильный, спокойный, собранный, Коткас идет навстречу Хамиту Каплану — известному турецкому борцу. Каплан моложе Коткаса почти в два раза, он чувствует поддержку всего стадиона, он уверен в победе, но схватка проходит с преимуществом советского спортсмена и приносит нашей команде победу.

ТРИ МАТЧА С БРАЗИЛЬСКИМИ ФУТБОЛИСТАМИ

Впервые в истории советского футбола встретились на зеленом поле команды СССР и Бразилии. 18 июня москвичи смогли познакомиться с одной из бразильских команд, «Атлетика Португеза». В матче с московскими динамовцами гости продемонстрировали хорошую технику, закончив игру вничью — 1 : 1. Особенно понравился зрителям вратарь А. да Сильва, не раз спасавший свои ворота.

После выступления в Москве футболисты «Атлетика Португеза» провели игру в Тбилиси с местными динамовцами. И снова ничья — 2 : 2.

Третий матч бразильцев вызвал особенно большой интерес: против них выступил лидер всесоюзного первенства — «Спартак». Эта игра оправдала надежды зрителей. Первая половина после взаимных атак закончилась также с ничейным счетом 2 : 2, но затем спартаковцы провели еще три мяча и добились победы.

На снимке: Б. Татушин забил первый гол.

ВСТРЕЧИ НА РИНГЕ

Соревнования английских и советских боксеров стали традиционными. Они встречались в 1952 году на олимпийских играх, в 1953 и 1955 годах на чемпионатах Европы, а затем в Лондоне был проведен матч двух команд: Англия—СССР. Пятая встреча состоялась 20 июня в Москве на стадионе «Динамо». Победу в матче одержали боксеры СССР, они выиграли семь боев, проиграв три (в полулегком, легком и втором среднем весе).

На снимке: встреча тяжеловесов Альгирдаса Шоцикаса (слева) и Давида Рента.

Фото А. Бочинина.

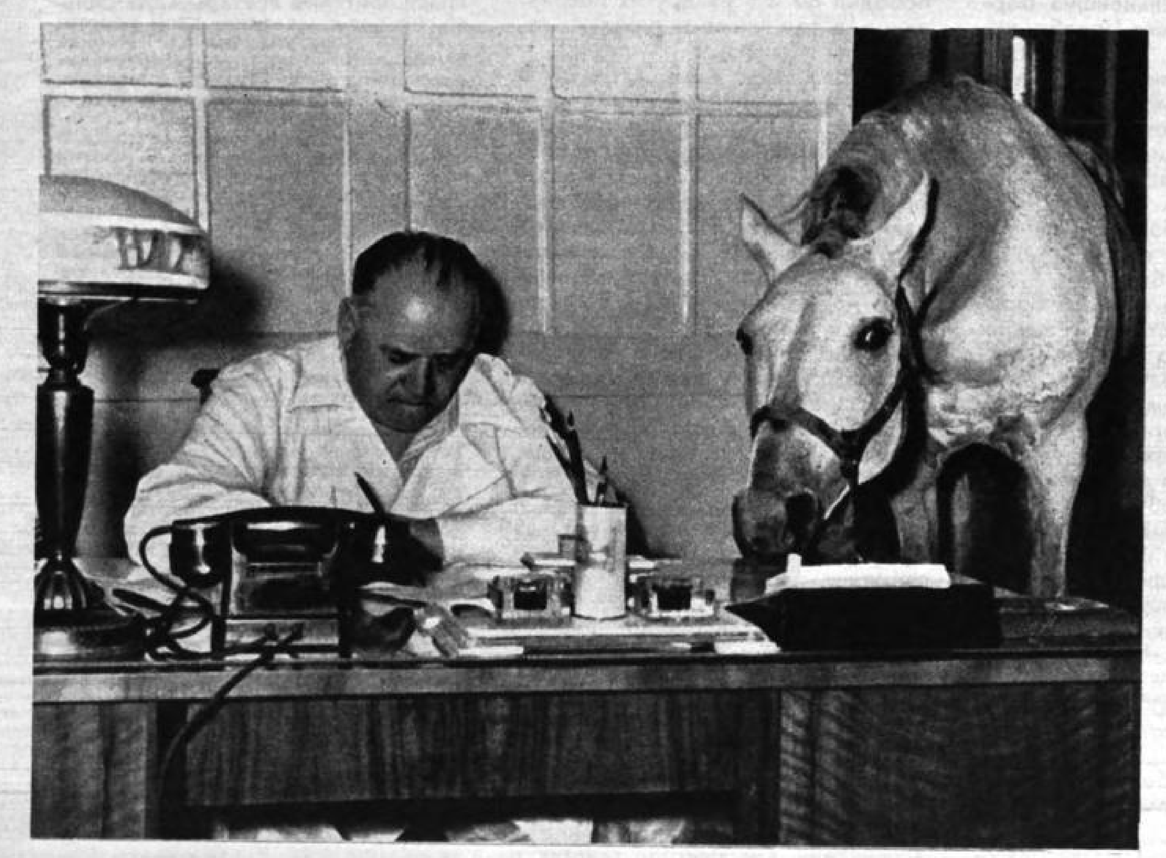

Что покажет кардиограмма?

Маникюр или педикюр?

На «приеме» у врача.

Фото А. НОВИКОВА.

...Пусть мчатся курьерские поезда и гоночные автомобили, пусть молниями прорезают небо реактивные самолеты на сверхзвуковой скорости,— конь, герой и красавец ипподрома, как всегда, нравится народу!

Загляните на Московский ипподром! Тысячи взволнованных и восторженных зрителей следят за беговыми испытаниями; они знают по именам наездников и лошадей, у них, зрителей, есть свои любимцы и фавориты. Ипподром — это истинный театр, корни которого уходят в глубокую старину...

Лошадь — животное не только благородное, но и умное, к любимому коню можно привязаться всей душой и сердцем, как к дорогому другу.

Наездник и лошадь — одно целое. Наездник

ипподроме

знает все повадки, нрав, душу своей лошади, и лошадь знает своего хозяина, любит его, уважает и всегда готова выказать свою преданность. Это в том случае, если хозяин хорош. Впрочем, если он плох, то и наездника из него никогда не получится...

На Московском ипподроме 550 лошадей. Не даром они едят свой «хлеб»: постоянные тренировки, сложная система воспитания и обучения отнимают у лошади немало сил. Но зато о четвероногих «воспитанниках» и заботятся, как о малых детях.

...Меню у лошади весьма разнообразное. Кроме овса, отрубей и сена, сюда входят дополнительные корма: сахар, соль, морковь, мел, лен. Две бутылки боржома выпиваются залпом, а постукивание копытом о пол денника означает просьбу о добавке. Наиболее капризные выражают свои претензии к кулинарии тем, что просто отказываются от невкусной, по их мнению, еды. С ними приходится немало повозиться.

А заболел конь или устал — извольте лечиться и отдыхать. В хорошей дачной местности ипподром имеет «лошадиный санаторий». Здесь конь гуляет, принимает «водные процедуры» — чаще всего для него организуют заплывы, род своеобразной тренировки, соединенной с лечением.

Иногда четвероногий пациент бывает несколько бесцеремонным. Вы видите, как в кабинете главного ветеринарного врача ипподрома «больной» втихомолку подобрал кусок сахара, пока врач выписывает ему рецепт.

...Перед заездом на беговой дорожке наездники прикидывают шансы соперников, изучая тактику друг друга.

Можно «душить» соперника, заставляя его идти максимальным для него темпом, но в то же время сохраняя силы своей лошади, а когда лошадь соперника «привстанет», вырваться на последней прямой и выиграть приз.

Рысакам, конечно, безразлично, какую им присвоили категорию. Но, тем не менее, редкая лошадь не азартна, и каждая хочет придти первой.

А на трибунах! Какая смесь переживаний и чувствований! Чья возьмет? Какая лошадь придет первой?

Тут и знатоки, завсегдатаи,— их не проведешь, они знают лошадей лучше любого тренера, хотя иногда... а впрочем, чаще всего ошибаются. Что делать, конь о четырех ногах — и тот спотыкается! Тут и люди, впервые вкусившие прелесть конного спорта; они чувствуют себя не в своей тарелке, несколько растерянны.

Взгляните на галерею лиц, воспроизведенных на наших фотографиях. Пожалуй, тут комментарии излишни.

Н. ВАЛЕРИН

В ПОЛТАВЕ ПРИНИМАЮТ ВСЮ ЕВРОПУ

Еще совсем недавно полтавские телезрители смотрели и слушали только Харьков, изредка кое-кому удавалось «поймать» Киев.

Но как-то в один из летних вечеров начальник цеха Полтавской прядильной фабрики Сергей Васильевич Морозов вместо Харькова или Киева увидел... Рим. Украинского радиолюбителя заинтересовало это необычное явление.

Чем же оно объясняется? Известно, что телевизионные передачи можно уверенно принимать на расстоянии до 100 километров от телецентра. Но иногда возникают такие условия, когда дальность приема резко увеличивается и доходит до 2 тысяч километров. Оказывается, на высоте 100—120 километров над землей появляется так называемый спорадический слой. Волны длиной от 3 до 10 метров, на которых работает большинство телевизионных станций, отражаются от этого слоя и принимаются за тысячи километров.

Однако прием этот непостоянный, случайный.

Полтавчанин решил принимать слабые сигналы дальних телецентров не от случая к случаю, не только тогда, когда спорадический слой отразит их на антенну, а регулярно, каждый вечер.

Начались поиски. Начались довольно просто: Сергей Васильевич взбирался на крышу дома и руками поворачивал антенну то в одну, то в другую сторону. На мачте высотой 15 метров была установлена новая, двухъярусная антенна. Там же, на мачте, пристроился небольшой электродвигатель. А в комнате около телевизора появился пульт с двумя кнопками: «Поворот влево», «Поворот вправо»,— а также шкала, обозначающая направление антенны.

Но для сверхдальнего приема этого оказалось недостаточно. Сергей Васильевич смонтировал сложный агрегат — шестикаскадный антенный усилитель. Кроме того, он коренным образом реконструировал телевизор «Т-2 Ленинград», оставив без изменений, пожалуй, только его внешний вид.

...Наступает вечер. Аппарат включен. Несколько манипуляций ручками настройки, переключателями, несколько поворотов антенны — и на экране возникает сцена Миланской оперы.

Рим и Прага, Лейпциг и Бремен, Париж и Лондон,— много станций удается принимать теперь в Полтаве.

Сергей Васильевич продолжает совершенствовать свой телевизор. Он монтирует новые агрегаты, заканчивает подготовку трех электродвигателей, которые будут и поворачивать и раздвигать антенну. И если вам придется в Полтаве, на улице Пушкина, увидеть над домом № 88 такой диковинный подвижной агрегат, не удивляйтесь: в Полтаве принимают всю Европу.

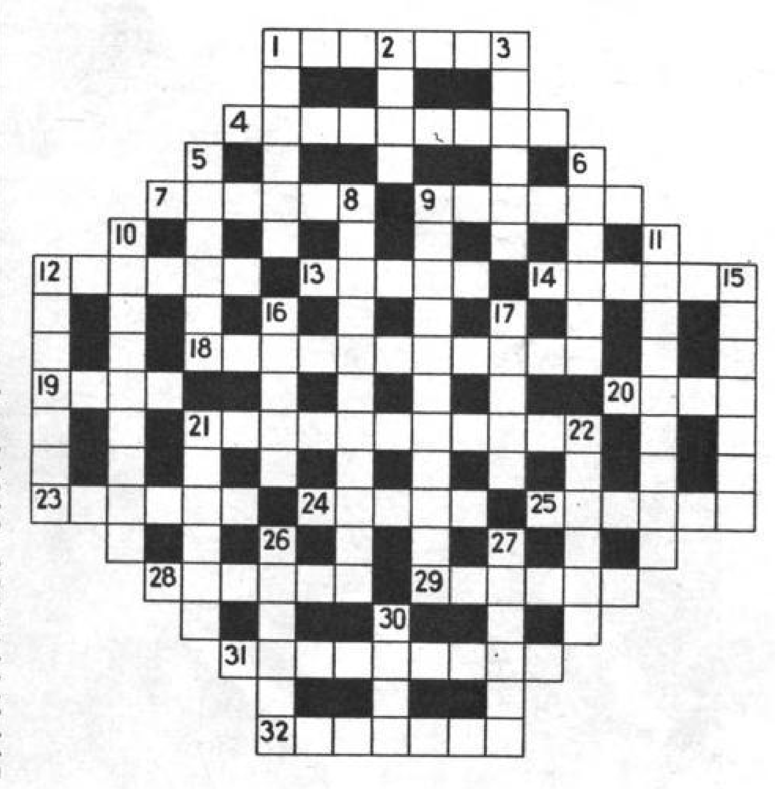
Г. ВОЛЯНСКИЙ

Телепередачи, принятые из разных городов Европы.

С. Морозов все время совершенствует свой аппарат.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Злободневная острая статья. 4. Курорт в предгорьях Карпат. 7. Массовое собрание. 9. Разреженное состояние газа. 12. Рабочая специальность. 13. Опора для рельсов. 14. Оборот речи. 18. Травянистое растение, живущее несколько лет. 19. Столица южноамериканского государства. 20. Место стоянки судов. 21. Русский мореплаватель, адмирал. 23. Город в Красноярском крае. 24. Герой популярной грузинской народной поэмы. 25. Древесная ящерица. 28. Страна в Азии. 29. Тугоплавкий металл. 31. Лечебное заведение. 32. Богатая хлебородная область.

По вертикали:

1. Вулканическая горная порода. 2. Действительное событие. 3. Промысловая рыба северных морей. 5. Сплав, не поддающийся окислению. 6. Кустарник-орешник. 8. Раздел геодезии. 9. Трилогия Шиллера. 10. Драгоценный камень. 11. Ценный пушной зверек. 12. Оранжерея. 15. Северная полярная область. 16. Площадь в древнем Риме. 17. Соленое озеро в Казахской ССР. 21. Род водопада. 22. Стержень для скрепления деревянных конструкций. 26. Сооружение над местом выхода источника. 27. Персонаж оперы С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 30. Представитель народа, живущего в Европе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

7. Токарев. 8. Блиндаж. 9. Байдарка. 11. Мицкевич. 12. Вихрь. 13. Льгота. 14. Анчар. 17. Баскетболист. 18. Стоматология. 22. Поэма. 23. Минога. 24. Ангоб. 27. Гипотеза. 28. Явантроп. 29. Дивизия. 30. Вавилов.

По вертикали:

1. Гораций. 2. Гардероб. 3. Шевро. 4. Улица. 5. Интернат. 6. Санитар. 10. Альтернатива. 11. Метеорология. 15. Остров. 16. Пинега. 18. Симфония. 19. Ягнятник. 20. Позиция. 21. Шолохов. 25. Щецин. 26. «Манас».

В МОСКВЕ ЖАРКО...
Рис. Г. Пирцхалава.

В этом номере на вкладках: репродукции картин М. К. Клодта «На пашне» и «Полдень», две страницы этюдов М. А. Бирштейна и четыре страницы цветных фотографий.

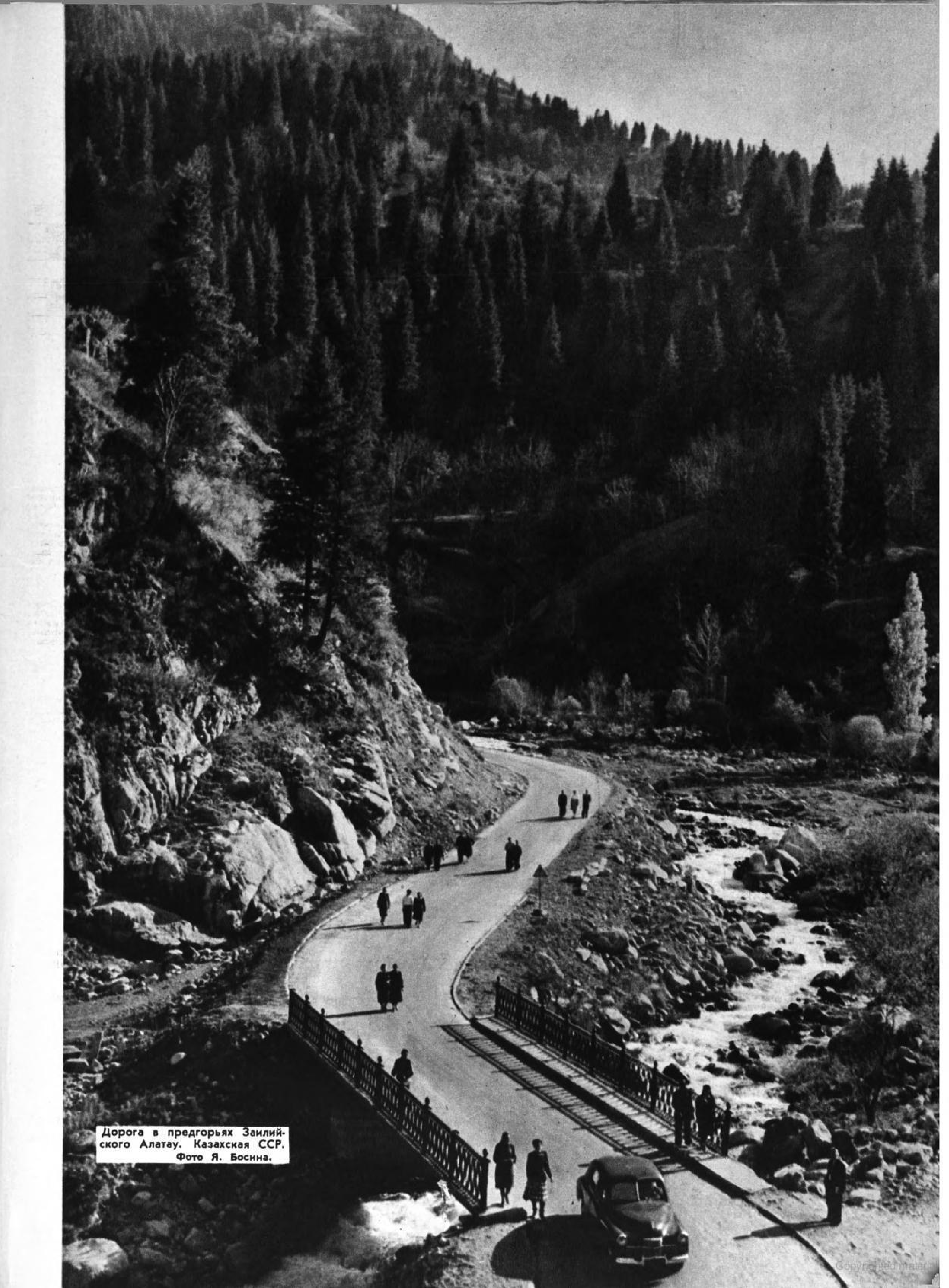
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08412. Подписано к печати 27/VI 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 545. Заказ № 1666.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Дорога в предгорьях Заилийского Алатау. Казахская ССР.
Фото Я. Босина.

11—5 стц

МИНИСТЕРСТВО ТОРГОВЛИ СССР ГЛАВКУЛЬТТОРГ

Цена номера 3 руб.